Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ (НИ ТГУ)
Факультет исторических и политических наук
Кафедра российской истории

ДОПУСТИТЬ К ЗАЩИТЕ В ГЭК
Руководитель ООП

д-р ист. наук, доцент
_____Д.Н. Шевелев
«23» июня 2020 г

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА БАКАЛАВРА

Дискуссии о сибирском фронтире и дорусской государственности в сибирской историографии (вторая половина XX – начало XXIвв.)
по основной образовательной программе подготовки бакалавров
направление подготовки 46.03.01 – История

Быстрицкий Сергей Сергеевич

Руководитель ВКР
д.и.н., доцент, профессор кафедры российской истории
_____ Е.Е. Дутчак
подпись
«22» июня 2020 г.

Автор работы
студент группы № 03580
_____ С.С. Быстрицкий
подпись

Томск-2020

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение 3

Глава 1 Дискуссия о «дорусской» государственности в сибирской историографии (вторая половина XX – начало XXIвв.)…….…….....16

1. 1 Характеристика политико-географических условий Сибири в работах историков…….....……...16

1. 2 Становление и развитие научных представлений о происхождении государственности в Сибири ……...…..……..……...…...24

1. 3 Складывание концепции «дорусской» государственности Сибири и особенности формирования русских государственных институтов в Сибири (на материалах г. Томска)…….....28

Глава 2 Дискуссия о сибирском фронтире в сибирской историографии (второй половины XX – начале XXIвв.....……...……...…….....….41

2.1 Формирование интереса сибирских исследователей к теории фронтира……...…...41

2.2 Становление критического отношения к теории «фронтира» и возможностям ее применения при анализе сибирской истории…….…...……...……48

2.3 Политическая ссылка в Сибирь конца XVI – начала XVII вв. как пример фронтирной ситуации……...…….....…….56

Заключение……...…….……....69

Список использованных источников и литературы……....……..73

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Дискуссии проходившие в сибирской историографии во второй половине XX – начале XXI вв. являются важными как для развития исторической науки, так и самосознания народов Сибири.

Современный интерес к дискуссии о происхождении сибирской государственности обусловлен поиском культурной и национальной идентичности, самоопределением народов России. Вследствие этого происходит развитие региональной историографии, для которой присоединение Сибири к Московскому царству, характер и последствия этого процесса остаются важнейшим вопросом. При признании существования древней и достаточно развитой государственности и цивилизации в Сибири открывается новый простор для изучения отдельных сибирских протогосударственных и государственных образований, процессов их формирования, развития и упадка, их отношений друг с другом и государствами Средней Азии, современного Дальнего Востока и Европы.

Признание существования государственности и цивилизации сибирских народов в «дорусский» период ведет к неизбежному пересмотру концепции советских историков послевоенного периода о «мирном вождении» Сибири в состав Московского государства, которая базировалась на тезисе о низком уровне политического и хозяйственного развития сибирских народов[1].

Не менее значимой для сибирской науки является дискуссия о сибирском фронтире в сибирской историографии. Необходимость ее изучения обусловлена тенденциями развития отечественной исторической науки, которая с конца 80-х годов XX века активно апробирует при изучении истории России достижения зарубежных исторических школ.

Наличие двух крупных дискуссий объективно предполагает появление историографических исследований**.**

Степень разработанности темы.

Дискуссия о «дорусской» государственности в сибирской историографии второй половины XX – начале XXI вв.

На сегодняшний день нет специальных работ, посвященных дискуссии о характере и факторах возникновения государственности на территории Сибири в дорусский период. Их отсутствие в дореволюционный период может объясняться определяющим влиянием концепции о русской колонизации как о условии политогенеза на окраинах Российской Империи, немногочисленностью работ, исследующих сибирскую государственность и сибирскую историю «дорусского» периода в целом.

---

[1] Кызласов Л.Р. Письменные известия о древних городах Сибири. М., 1992. С. 5.

В советский довоенный период в основном продолжилось изучение сибирской истории и истории политических образований региона в логике интерпретаций дореволюционных исследователей с привнесением элементов формационного подхода и анализа социально-экономических отношений.

В послевоенный период был выработан новый объединяющий исследователей сибирской государственности подход и принята за основу концепция «мирного вхождения» Сибири в состав Московского царства. Наиболее ярким представителем этого научного течения стал В. И. Шунков[2].

Таким образом, историографическое единообразие препятствовало появлению работ о данной дискуссии, так как советские исследователи, особенно в послевоенный период, находились под сильным идеологическим давлением. Анализ трудов дореволюционных авторов, которые придерживались иных позиций, мог привести к критике сформированного официального подхода.

Отсутствие специальных работ, рассматривающих дискуссию о сибирской государственности в постсоветский период, связано с объективными и субъективными причинами. Видимо, можно говорить о том, что пересмотр сложившихся концепций затрудняет не только устоявшаяся система научных авторитетов, но и естественная последовательность в развитии научного знания – пересмотру взглядов и концепций всегда предшествует накопление нового материала. В настоящее время сибириеведение находится именно на этой стадии, и объединение и систематизация данных пока остается задачей на перспективу.

Современная российская историческая наука продолжает исследование государственности народов Сибири. И хотя пока нет фундаментальных монографических работ, характеризующих разные мнения исследователей сибирской политической истории, но отдельные аспекты этой темы раскрыты в ряде современных работ. Так, Е.Ю. Коблова в диссертационном исследовании «Государственные образования шибанидов и тайбугидов Западной Сибири в отечественной историографии (середина XVIII – начало XXI вв.)»[3] отметила наличие разных концепций развития сибирской государственности. Автор, исследуя отечественную историографию в рамках выбранной темы, придерживается мнения о существовании государственности и государств в Сибири «дорусского» периода.

---

[2] Шунков В. И. Очерки по истории колонизации Сибири в XVII - начале XVIII вв. М. Л., 1946. 228 с. ; Его же. Очерки по истории земледелия Сибири (XVII век). М., 1956. 246 с.

[3] Коблова Е. Ю. Государственные образования шибанидов и тайбугидов Западной Сибири в отечественной историографии (середина XVIII- начало XXI вв.) : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук : 07.00.09. Тюмень : [б. и.], 2009. 25 с.

В 2009 году была опубликована работа Д. Н. Верхотурова «Идея сибирской самостоятельности вчера и сегодня»[4], в которой содержится обстоятельный экскурс к дискуссии о времени возникновения сибирской государственности. Автор подвергает критике положения историков, отрицавших достаточно высокий уровень развития государственности в Сибири в «дорусский» период.

На наш взгляд, именно исследование Д. Н. Верхотурова сегодня является значительным шагом вперед в развитии и обобщении материалов дискуссии о «дорусской» государственности в сибирской историографии (второй половины XX – начале XXI вв.). Но нельзя не заметить особый полемический стиль автора и значительные отступления от научности повествования в угоду публицистичности и популярности.

Дискуссии о сибирском фронтире в сибирской историографии. Понимание «границы» не как линии между потестарными образованиями, народами и т. д., а как широкой зоны соприкосновения цивилизаций было известно еще в древнем Китае. Так, Сыма Цянь определял «границу» как широкое пространство контактов цивилизаций[5]. Однако детальную проработку данное определение «границы» произошло с появлением концепта «фронтир».

Вхождение это концепта в научный дискурс произошло в конце XIX в. – в 1893 г., после публикации книги американского ученого Ф. Д. Тёрнера «Фронтир в американской истории»[6], предложившего использовать термин для описания процесса американской колонизации. Вскоре данная концепция стала применяться при изучении других схожих процессов и регионов, в том числе, истории колонизации Сибири.

Применение положений американистики отечественными исследователями привело к появлению ряда работ отрицавших как возможность применения концепта фронтир, так и само существование фронтира в сибирской истории. Таким образом, зародилась рассматриваемая дискуссия. Однако в настоящее время число специальных, исследующих ее научных работ невелико. Это объясняется относительной новизной применения концепции «фронтира» к объяснению сибирской истории. Так наиболее активный период дискуссии приходится на рубеж XX–XXI вв., тогда же сформировался их ключевой вектор: использование положений концепции Ф. Д. Тернера не на углубленное изучение методологических составляющих явления, а на развитие компаративного анализа американского и сибирского фронтиров. Отсюда вытекает особенность проблематики изучения дискуссии о «фронтире» при исследовании сибирской истории.

---

[4] Верхотуров Д.Н. Идея сибирской самостоятельности вчера и сегодня. М.: АСТ; Красноярск АБУ; Владимир: ВКТ, 2009. 331 с.

[5] Хазанов А.М. Социальная история скифов: основные проблемы развития древних кочевников евразийских степей / А.М. Хазанов. М., 1975. С. 127.

[6] Тёрнер Ф. Фронтир в американской истории. / Пер. с англ. А. И. Петренко. Москва, 2009. 304 с.

На сегодняшний день имеется ряд работ, в которых упоминается дискуссия о концепте «фронтир» и отмечаются ее важные моменты. Например, о факте складывания различных мнений о «сибирском фронтире» упоминается в коллективной работе Д. Я. Резуна, В. А. Ламина, Т. С. Мамсик, М. В. Шиловского «Фронтир в истории Сибири и Северной Америке в XVII–XX вв: общее и особенное»[7], в которой авторы предлагают продолжить рассмотрение темы и «приглашают к дискуссии» новых участников[8].

В 2011 г. была опубликована статья Т. Н. Соболевой и Д. С. Боброва «Современная российская историография концепции фронтира»[9], к которой отмечается ключевая причина возможности развития дискуссии о «фронтире» в современной отечественной историографии. По мнению авторов, это отсутствие идеологического давления на науку, имевшего место в советский период. В статье отмечаются, во-первых, различные оценки возможности применения к сибирской истории концепции «фронтира»; во-вторых, нахождение ее в процессе становления, что по-прежнему оставляет широкое поле для дискуссий.

Последняя из вышедших работ, в которой упоминается рассматриваемая дискуссия, опубликована в 2018 году Л. И. Шерстовой[10]. Автор подвергает критике применение положений концепции «фронтира» к сибирской истории, опровергает доводы оппонентов, касающиеся восприятия русскими переселенцами сибирских аборигенов как представителей иной, менее развитой культурной традиции, оспаривает тезис о наличии ментальной границы между переселенцами и сибирскими народами и высказывает суждение о необходимости учитывать религиозные представления переселенцев и отличия целей колонизации Америки и Сибири.

Л. И. Шерстова отмечает ряд нестыковок в применении концепта «фронтир» к сибирской истории и отрицает само его существование в Сибири. На наш взгляд, выход этой статьи вновь актуализирует дискуссию и придает динамику изучению явления «границы» в истории Сибири.

---

[7] Фронтир в истории Сибири и Северной Америки в XVII-XX вв. : общее и особенное : [Сборник статей] / Д. Я. Резун, В. А. Ламин, Т. С. Мамсик, М. В. Шиловский; Ин-т истории Сиб. отд-нияРос.акад. наук. Новосибирск., 2001. 113 с.

[8] Резун Д. Я., Ламин В. А., Мамсик Т. С., Шиловский М. В. Фронтир в истории Сибири и Северной Америки в XVII-XX вв. : общее и особенное : [Сборник статей... С 7.

[9] Соболева Т.Н., Бобров Д.С. Современная российская историография концепции фронтира // Известия Алтайского государственного университета. 2011. №11. С. 189-192.

[10] Шерстова Л. И. Концепция фронтира и освоение русскими Сибири / Л. И. Шерстова // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 426. С. 217-222. URL: http://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Repository/vtls:000621583

Таким образом, изучение дискуссии о сибирском фронтире в сибирской историографии только начинается. Сама она еще далека от завершения, увеличивается число историков, включающихся в рассмотрение данного вопроса.

Объект исследования – дискуссии о сибирском фронтире и «дорусской» государственности в сибирской историографии.

Предмет исследования – история складывания объясняющих моделей по указанным вопросам и состав аргументов, предлагаемых оппонентами.

Цель исследования – определить корреляции между аргументами, предлагаемыми участниками дискуссии, иточниковой базой, уровнем развития сибириеведения, господствующей научной концепцией и идеологией.

Для достижения данной цели необходимо выполнить ***задачи двух уровней***.

Постановка задач второго уровня связана с попыткой продемонстрировать валидность приводимых сторонами дискуссий аргументов на локальных примерах.

Первый уровень:

1. охарактеризовать процесс накопления научных данных о влиянии политико-географических условий Сибири на политическое и хозяйственное развитие аборигенного и пришлого населения Западной Сибири;

2. раскрыть историографические причины, вызвавшие дискуссии о «дорусской» государственности и сибирском фронтире в сибирской историографии.

Второй уровень:

1. Выявить на примере ранней истории Томска основные черты формирования русских государственных институтов в Сибири.

2. Рассмотреть на примере политической ссылки в Сибирь конца XVI – начала XVII вв. возможность применения концепции «фронтира» при изучении процессов освоения Сибири.

Хронологические рамки исследования.

В хронологическом отношении историографическое исследование охватывает вторую половину XX – начало XXI вв. Данный период стал особым этапом в развитии отечественного сибиреведения, когда на смену ранее единой объясняющей модели пришли разнообразные концепции и гипотезы. Важной вехой в этом отношении следует считать распад СССР, так как именно в начале 1990-х г. происходит активизация развития назревших тенденций в отечественном сибиреведении. Таким образом, *советский период* в ВКР определен с начала 1950-х до начала 1990-х., *постсоветский как* 1990 - 2010-е г.г.

Методология и методы исследования. Основополагающими подходами в данной работе стали принципы историзма (изучение явлений в их развитии и связи с условиями среды – природной, культурной, экономической и т.д.) и научной объективности.

При изучении рассматриваемой темы, автор придерживается цивилизационного подхода, который предполагает поливариантность социального, экономического и политического развития отдельных народов, территорий, цивилизаций. Это делает возможным отказ от оценочных суждений, характерных для формационного подхода, относительно уровня развития сибирских народов их государственности, культуры, хозяйства.

При анализе и систематизации аргументов сторон в рассматриваемых дискуссиях использовались традиционные для отечественной историографии историко-сравнительный, историко-генетический и историко-типологический методы, которые позволяют на основе анализа используемых учеными объясняющих моделей и полученных выводов рассмотреть общие черты в позициях дискутирующих сторон.

Историко-генетический и историко-сравнительный методы способствуют установлению времени и факторов возникновения различных точек зрения и показывают на каких основаниях базировались интерпретации привлекаемых исследователями исторических источников и в каком направлении эволюционировали научные взгляды сибирских историков.

Источниковая база исследования.

Представляя корпус источников, автор ВКР руководствовался необходимостью разделения источников на два блока: историографические источники, являющиеся трудами участников дискуссий, и исторические источники, на основании которых участники дискуссий приходили к своим выводам.

Достаточно широкие хронологические рамки исследования и большая протяжённость территории Сибири обусловили разнообразие привлекаемых источников. По принятой в российском источниковедении классификации исторические источники делятся на 4 типа: вещественные, письменные, изобразительные и фонетические[11]. В соответствии с нашей темой исследования основными стали письменные исторические источники. В данной работе были привлечены следующие виды источников.

Историографические источники являются основой данного исследования, поскольку они «определяются предметом историографии и несут информацию о процессах, протекающих в исторической науке и в условиях ее функционирования. Они используются наряду с историографическим фактом для установления закономерностей возникновения и развития историографии» [12].

[11] Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования. М., 1987. 440 с. ; Никулин П.Ф. Теория, методология и методика источниковедения истории России VI – начала XX вв. Учебное пособие. Томск, 2006. 105 с.

[12] Зевелев. А. И. Историографическое исследование: методологические аспекты. М, 1987. С. 118.

К историографическим источникам, анализируемым в данной работе, относятся следующие виды научных работ: монографии, научные исследования, научные статьи, доклады и тезисы конференций, исторические очерки, и учебная литература по истории.

Дискуссия о «дорусской» государственности в сибирской историографии. Значительная часть историографических источников по данной дискуссии представлена монографиями отечественных исследователей.

Монография П. И. Небольсина «Покорение Сибири» (СПб., 1849)[13] вызвала резонанс в ученых кругах того времени, многие не соглашались с выводами автора. В частности, С. М. Соловьев критиковал П. И. Небольсина за умаление роли Строгоновых в освоении региона. «Покорение Сибири» имело несколько переизданий, и это оказывало заметное влияние на развитие сибириведения. Труд П. И. Небольсина был важен еще и тем, что в нем впервые была напечатана в полном объеме «Строгоновская летопись».

Классическими исследованиями по истории Западной Сибири в советский период принято считать работы С. В. Бахрушина «Пути в Сибирь в XVI-XVII вв.» (Москва, 1927)[14], «Русское продвижение за Урал» (Москва, 1955)[15]. Автор отходит от рассмотрения вопроса об отношениях местного и пришлого населения и концентрирует свое внимание на социально-политических и экономических отношениях в среде аборигенов.

В 2000-е гг., когда становится вновь актуальным изучение истории крестьянства выходят «Очерки истории крестьянства Сибири начала XX в.» (Барнаул, 2014)[16] А. А. Храмкова. В котором разбирается широкий комплекс: современное состояние историографии сибирского крестьянства, структура сибирских железнодорожных грузоперевозок, реформа земельных отношений в Западной Сибири в конце XIX - начале XX в. и т.д.

Большое значение для развития сибиреведения имели труды, которые следует отнести к виду научных исследований. Считается, что у данного вида историографических источников имеется достаточная источниковая база для выдвижения гипотез, но отсутствует обоснование ее репрезентативности в отличии от монографии[17]. Это исторические повествования авторов

---

[13] Небольсин П. И. Покорение Сибири : историческое исследование / П. И. Небольсин. - СПб. : Рус.симфония, 2008. - 335 с.: ил.- (Книжные памятники из фондов Библиотеки Академии наук)

[14] Бахрушин С.В. Пути в Сибирь в XVI-XVII вв. // Бахрушин С.В. Научные труды. М., 1955. Т. 3, ч. 1. 317 с.

[15] Бахрушин С.В. Русское продвижение за Урал // Бахрушин С.В. Научные труды. М., 1955. Т. 3, ч.1.

[16] Храмков А. А. Очерки истории крестьянства Сибири начала XX в. : монография / А. А. Храмков ; Алт. гос. ун-т, Центр изучения реформ П. А. Столыпина. - Барнаул : Издательство Алтайского университета, 2014. - 326 с.: табл.

[17] Источниковедение : учебное пособие / И. Н. Данилевский, Д. А. Добровольский, Р. Б. Казаков и др. ; отв. ред. М. Ф. Румянцева ; Москва : 2015. С. 533.

заложившие источниковый и методологический базис, на котором основывалась и, зачастую, сегодня основывается отечественная историческая наука. К ним следует отнести труды Г. Ф. Миллера «История Сибири» (СПб., 1750)[18], Н. М. Карамзина «История государства Российского».(Москва, 1816)[19], Н. М. Ядринцева «Сибирь как колония : современное положение Сибири, ее нужды и потребности, ее прошлое и будущее : к юбилею трехсотлетия» (СПб., 1882)[20], П. А. Словцова «Историческое обозрение Сибири» (СПб., 1886)[21]. Их авторы уделяли основное внимание продвижению русских за Урал, описывали местные условия и взаимоотношения аборигенов и колонизаторов.

К научным исследованиям следует отнести работу советского периода, «Очерки по истории колонизации Сибири в XVII- начале XVIII вв.» (Москва, 1946)[22], автор которой рассматривает историю Сибири с применением методологического и концептуального аппарата характерного для подходов советских авторов к рассматриваемым проблемам.

Такой вид исторического источника как научная статья представлен работой П. Н. Буцинского «К истории Сибири: Мангазея и мангазейский уезд (1601 г.—1645 г.)» (Харьков, 1893)[23]. Она посвящена вопросам сбора ясака в Мингазейском уезде и на основе материалов судебных разбирательств показывает различия в строгости приговоров для русских и аборигенов.

Примером историографического источника «исторический очерк» является «Временник Ивана Тимофеева»[24], он ранее считался одним из литературно-философских памятников начала XVII века, но Д. А. Рыбаковым было установлено, что его правильнее отнести к историографическим источникам.[25]

---

[18] Миллер Г.Ф. История Сибири. В 2 т. Т. 1. М., Л., 1937. 607 с. ; Его же. История Сибири. В 2 т. Т. 2. М., Л., 1941. 796 с.;

[19] Карамзин Н. М. История государства Российского. Том III / Карамзин Н.М. - Москва : Лань, 2013. - . URL: http://e.lanbook.com/books/element.php?pl1_cid=25&pl1_id=9802

[20] Ядринцев Н. М. Сибирь как колония : современное положение Сибири, ее нужды и потребности, ее прошлое и будущее : к юбилею трехсотлетия / Н. М. Ядринцев. - Санкт-Петербург : Типография М. М. Стасюлевича, 1882. - XI, 471 с. URL: http://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Repository/vtls:000240565

[21] Словцов П.А. Историческое обозрение Сибири / П.А. Словцов. СПб.: Типография И.Н. Скороходова, 1886. 326 с.

[22] Шунков В. И. Очерки по истории колонизации Сибири в XVII- начале XVIII веков / В. И. Шунков ; [отв. ред. С. В. Бахрушин] ; Акад. наук Союза ССР, Ин-т истории. - Москва [и др.] : Издательство Академии наук СССР, 1946. - 226, [2] с.

[23] Буцинский П. Н. К истории Сибири: Мангазея и мангазейский уезд (1601 г.—1645 г.) (рус.) // Записки Императорского Харьковского университета: журнал. Харьков, 1893. Вып. I. С. 33 - 98.

[24] Тимофеев И. Временник Ивана Тимофеева / подгот. к печ. , пер. , коммент. О. А. Державиной ; под ред. В. П. Адриановой-Перетц ; Рос.акад. наук. - Репр. воспр. изд. 1951 г. - СПб. : Наука. С.-Петерб. изд. фирма, 2004. - 509, [2] с., [6] л. ил.: ил., факс.- (Литературные памятники)

[25] Рыбаков Д.А. «Временник Ивана Тимофеева» – несостоявшийся историографический проект начала XVII в. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2007. № 2 (28). С. 60–65.

Такой вид историографических источников как учебная литература по истории в данной работе представлен материалами спецкурса Л. Р. Кызласова «Письменные известия о древних городах Сибири» (М., 1992)[26].

Дискуссия о фронтире. Основой для возникновения сибирского варианта дискуссии о «фронтире» стал труд американского историка Ф. Д. Тернера «Фронтир в американской истории» (N. Y.,1962), в котором представлен и определен понятийный аппарат концепции[27].

Как отечественная, так и зарубежная историография сибирского фронтира отмечена значительным числом различных научных работ. К их числу следует отнести монографии отечественных исследователей: А. В. Ефимова «Свободные земли» Америки и историческая концепция Ф. Д. Тернера»(Москва, 1957)[28], Д. Я. Резуна, М. В. Шиловского «Сибирь, конец XVI - начало XX века: фронтир в контексте этносоциальных и этнокультурных процессов» (Новосибирск, 2005)[29]. Авторы рассматривают возможность применения концепции «фронтира» к изучению истории Сибири, проводят ряд аналогий с освоением Северной Америки. Использование компаративного метода позволило Д. Я. Резуну и М. В. Шиловскому установить сходство процессов колонизации Сибири и Северной Америки и на этой основе говорить не только о существовании сибирского фронтира, но и о перспективах рассмотрения других колонизационных процессов на основании данной концепции.

К числу научных статей относятся работы И. М. Супоницкой «Колонизация земель: Сибирь и американский Запад (вторая половина XIX в.)» (Москва, 1989)[30], Т. С. Мамсик «Радикальный протестантизм и русский раскол в контексте мировых реформационных процессов эпохи великих переселений» (Новосибирск, 2001)[31], статьи новосибирских историков Д. Я. Резуна, В. А. Ламина, Т. С. Мамсик, М. В. Шиловского, вошедшие в сборник «Фронтир в истории Сибири и Северной Америки в XVII-XX вв. : общее и особенное» (Новосибирск,

---

[26] Кызласов Л. Р. Письменные известия о древних городах Сибири : Спецкурс / Л. Р. Кызласов; МГУ им. М. В. Ломоносова, Ист. фак. - М. : Изд-во МГУ, 1992. - 132,[2] с.- (История)

[27] Автор ВКР использовал перевод исследования: Тернер Ф. Д. Фронтир в американской истории / Фредерик Дж. Тёрнер ; [пер. с англ.: А. И. Петренко ; отв. ред. В. В. Согрин]. Москва, 2009. 303 с.

[28] Ефимов А.В. «Свободные земли» Америки и историческая концепция Ф. Д. Тернера. В кн.: Из истории общественных движений и международных отношений. - М.: Издательствово Академии наук СССР, 1957. 555 с.

[29] Резун Д. Я. Сибирь, конец XVI - начало XX века: фронтир в контексте этносоциальных и этнокультурных процессов / Резун Д. Я., Шиловский М, В. ; Рос.акад. наук, Сиб. отд-ние, Объед. ин-т истории, филологии и философии, Ин-т истории. - Новосибирск : Сова, 2005. - 193 с.

[30] Супоницкая И. М. Колонизация земель: Сибирь и американский Запад (вторая половина XIX в.) / И. М. Супоницкая // Одиссей: Человек в истории. – М. : Наука, 1989. – С. 219–240.

[31] Мамсик Т.С. Радикальный протестантизм и русский раскол в контексте мировых реформационных процессов эпохи великих переселений // Фронтир в истории Сибири и Северной Америки в XVII–XX вв.: общее и особенное. Новосибирск, 2001. С. 54 - 65.

2001)[32], В. П. Румянцева и Е. В. Хахалкиной «Использование теории фронтира в сравнительно-исторических исследованиях: итоги и перспективы» (Томск, 2009)[33], Т. Н. Соболевой и Д. С. Боброва «Современная российская историография концепции фронтира» (Барнаул, 2011)[34], Л. И. Шерстовой «Концепция фронтира и освоение русскими Сибири» (Томск, 2018)[35].

Преобладание научных статей в корпусе историографических источников, раскрывающих дискуссию о «фронтире», отражает высокий динамизм современного сибиреведения.

К виду историографических источников «доклады и тезисы конференций» относятся материалы, опубликованные по результатам конференций: Американские исследования в Сибири : Материалы научных чтений 6-7 февраля 1995 (Барнаул, 1995)[36], Американские исследования в Сибири. Вып. 8 : материалы Всероссийской научной конференции выпускников Программы Фулбрайта "Американские идеи в гуманитарных исследованиях ученых Сибири", Томск, 12-14 октября 2004 г. Вып. 8. (Томск, 2005)[37].

Отметим, что пик интереса к дискуссии о дорусской государственности вероятно уже пройден, сегодня актуальны в сибирской историографии вопросы истории повседневности, изучение местных потестарных образований региона и т. д. Интерес к дискуссии о сибирском фронтире возникший в 1990-х гг. продолжается, появляются все новые работы, авторы развивают методологию и понятийный аппарат концепции.

Корпус представленных историографических источников позволяет рассмотреть развитие научных представлений, проследить о сибирской государственности и о сибирском фронтире, что необходимо для выполнения задач ВКР.

Исторические источники

Летописи считаются одним из важнейших источников для изучения истории Древней Руси, но и для реконструкции истории Сибири они имеют большое значение. Для ВКР

---

[32] Фронтир в истории Сибири и Северной Америки в XVII-XX вв. : общее и особенное : [Сборник статей] / Д. Я. Резун, В. А. Ламин, Т. С. Мамсик, М. В. Шиловский; Ин-т истории Сиб. отд-нияРос.акад. наук. Новосибирск , 2001. 113 с.

[33] Румянцев В. П. Использование теории фронтира в сравнительно-исторических исследованиях: итоги и перспективы / В. П. Румянцев, Е. В. Хахалкина // "Славянский мир" Сибири: новые подходы в изучении процессов освоения Северной Азии. Томск, 2009. С. 106-125. URL: http://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Repository/vtls:000377054

[34] Т.Н. Соболева, Д.С. Бобров Современная российская историография концепции фронтира // Известия Алтайского государственного университета. 2011. №11. С. 189-192.

[35] Шерстова Л. И. Концепция фронтира и освоение русскими Сибири... С. 217-222.

[36] Американские исследования в Сибири : Материалы научных чтений 6-7 февраля 1995 / Отв. ред. М. Я. Пелипась; Том.гос. ун-т, Сиб. ассоциация американистов. Барнаул Томск, 1995. 71 с. URL: http://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Repository/vtls:000009916

37 Американские исследования в Сибири. Вып. 8 : материалы Всероссийской научной конференции выпускников Программы Фулбрайта "Американские идеи в гуманитарных исследованиях ученых Сибири", Томск, 12-14 октября 2004 г. Томск, 2005. Вып. 8. С. 15-24.

особенно важны так называемые «сибирские летописи», поскольку они являются основным источником, который привлекают исследователи для реконструкции событий сибирской истории. Как правило, исследователи обращаются, с одной стороны, к летописям Москвы[38], Пскова и Великого Новгорода[39], относящимся к XV–XVIII в.; с другой к летописным текстам сибирского происхождения XVII–XVIII в.

Особое место в этом ряду принадлежит «Есиповской летописи»[40] и «Кунгурскому летописцу», дошедшему во фрагментах в «Ремезовской летописи»[41]. Она была составлена С.У. Ремезовым[42], как считается, на основе воспоминаний его отца об участниках похода Ермака или информации полученной им из неизвестного источника в конце XVI– начале XVII вв. В 1849 г. этот текст был опубликован П.И. Небольсиным в работе «Покорение Сибири»[43].

«Новый летописец» или «Книга глаголемая Новый летописец»[44] является ценнейшим источником по периоду Смутного времени, повествует о событиях после смерти Ивана IV Грозного и охватывает период с 1584 по 1630 гг. В данном сказании отчетливо прослеживается его публицистическая направленность и субъективное отношение автора – представителя правящих кругов – к событиям Смутного времени и их участникам. Установлено, что «Книга глаголемая Новый летописец» была составлена в период правления Михаила Федоровича Романова, что объясняет ряд моментов идеализации Романовых.

К этой группе же источников также можно отнести средневековые иностранные хроники о народах Северной Азии[45], а именно «Исторические записки Ши цзи», упоминающие древние сибирские государства[46], информация о которых крайне ограничена.

Актовые материалы являются важной частью источникового комплекса настоящей работы. В современном отечественном источниковедении под актами понимаются документы, устанавливающие определенные отношения между контрагентами сделки или автором и

---

[38] Полное собрание русских летописей. В 43 т. Т. 29. Летописец начала царства Царя и Великого князя Ивана Васильевича. Александро-невская летопись. Лебедевская летопись ; отв. ред. М.Н. Тихомиров. М., 1965. 390 с.

[39] Полное собрание русских летописей. В 43 т. Т. 3. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М., Л., 1950. 576 с.

[40] Полное собрание русских летописей. В 43 т. Т. 36. Сибирские летописи. Часть 1. Группа Есиповской летописи ; отв. ред. А.П. Окладников. М., 1987. 387 с.

[41] Сибирские летописи. Краткая сибирская летопись (Кунгурская) / [подгот. к изд. Цепковым А. И.]. - Рязань : Александрия, 2008. - 643, [2] с.: ил.- (Источники истории)

[42] Ремезов С.У. Старинные карты Сибири. Чертежная книга Сибири (начало XVIII в.). М., 1882. 50 с.

[43] Небольсин П.И. Покорение Сибири. СПб., 1849. 271 с.

[44] Вовина-Лебедева В. Г. Новый летописец: история текста / В. Г. Вовина-Лебедева ; Рос.акад. наук, С.-Петерб. ин-т истории. СПб., 2004. 397 с.

[45] Малявкин А.Г. Танские хроники о государствах Центральной Азии: тексты и исследования. - Новосибирск, 1989. 432 с.

[46] Исторические записки : (Ши цзи) : [В 9 т.] : Пер. с кит. Т. 8 / СымаЦянь; [Рос. акад. наук, Отд-ние ист. -филол. наук, Ин-т востоковедения]. М., 2002. 509 с.

адресатом. В «узком» определении акты – это документы, выполняющие договорную или распорядительную функцию[47].

Акты, привлекаемые в данном исследовании, представлены разрядными записями и частно-правовыми актами. Издание «Актов феодального землевладения и хозяйства XVI–XVII веков» было подготовлено Л. В. Черепниным в 3-х частях: первая содержит 316 актов московской митрополичьей кафедры за 1390–1602 гг.; вторая – 436 актов Волоколамского монастыря с 1450 – 1612 гг.; третья – акты московской митрополичьей кафедры конца XVI – начала XVII вв.[48] При изучении политической ссылки конца XVI – начала XVII вв. во второй главе ВКР источником послужила именно третья часть этого издания, в которой содержится текст челобитных с просьбой вернуть отнятые и переданные монастырям владения.

Еще одним важным источником данного вида являются «Разрядные книги». Изучавший их С.А Белокуров обнаружил, что разряды велись и в Смутное время[49]. В разрядах записывались выдержки из официальных документов, по которым возможно проследить практику использования военных сил государства в колонизации Зауралья, ежегодные назначения на различные «государевы службы» и выявить те из них, которые, в сущности, являлись почетной ссылкой в Сибирь. Опубликованные С.А Белокуровым тексты разрядных записей актуальны для данной работы в связи с тем, что содержат сведения о политических ссыльных в Сибири, что позволяет их использовать при изучении «фронтирной ситуации» в Сибири.

Источники личного происхождения. Данная группа исторических источников выполняет функцию установления межличностной коммуникации в эволюционном и коэкзистенциальном целом, а также автокоммуникации. Они наиболее полно отражают процесс самосознания личности и установление межличностных взаимодействий.

Источники данной группы позволяют изучать те аспекты истории, которые были неважны для авторов летописей и документов. Однако следует учитывать, что они не лишены существенных недостатков. Так, особенностью источников личного происхождения является их субъективизм, например, в «Хрониках Смутного времени»[50] легко прослеживается симпатия Буссова Конрада к роду Романовых.

Записки путешественников. Данный вид источников имеет особую ценность для

---

[47] Источниковедение : учебное пособие / И. Н. Данилевский, Д. А. Добровольский, Р. Б. Казаков и др. ; отв. ред. М. Ф. Румянцева ; Москва : 2015. С. 171.

[48] Акты феодального землевладения и хозяйства XVI - XVII веков. Ч. 3 / подготовил к печати Л. В. Черепнин ; [отв. ред. В. С. Бахрушин] ; Акад. наук СССР, Ин-т истории. - М., 1951. - 399 с.

[49] Белокуров, С.А. Разрядные записи за Смутное время. (7113-7121 гг.) / С.А. Белокуров. - М. :Имп. о-во истории и древностей российских при Московском университете, 1907. [2], XXVIII, 311 с.

[50] Буссов К. Московская хроника 1584-1613 / АН СССР, Библиотека ; отв. ред. И. И. Смирнов. - Москва Ленинград : Издательство АН СССР, 1961. 398 с.

исследования истории Сибири «дорусского» периода, так как именно эти тексты являются первыми письменными материалами о социально-политических отношениях сибирских народов и, как следствие, о сложении государственности в Сибири. Особую важность здесь имеют путевые заметки иностранных путешественников Плано Карпини и Марко Поло. Плано Карпини после возвращения из дипломатической миссии 1245–1247 гг. в Монгольскую империю написал «Историю монголов»[51], в которой охарактеризовал государственное устройство монголов, как установлено исследователями, значительно повлиявшее на развитие государственности в Сибири. Марко Поло в записях о своих путешествиях приводит данные о странах Средней Азии и Китае, частично вызывающие сомнения у современных историков. В то же время исследователи отмечают, что Марко Поло, в отличие от Плано Карпини, более детально подходит к описанию посещаемых им стран.[52]

К XVII в. относятся записки отечественных путешественников Василия Тюменца[53], Ивана Петлина, Федора Байкова[54], которые, направляясь с дипломатическими миссиями в Китай, пересекали территорию Сибири. В составленных ими описаниях имеются ценные этнографические сведения о народах Сибири. Например, в записках Ивана Петлина повествуется о кухне, быте и нравах тувинцев, отмечается их гостеприимство и доброжелательность по отношению к участникам посольства.

Записки путешественников демонстрируют, как контактировали сибирские народы с чужеземцами, их политические и правовые традиции.

Особенностью данного типа исторических источников является, зачастую, высокая степень субъективности повествований, желание приукрасить рассказ, скрыть некоторые моменты. В тоже время необходимо учитывать, что корпус исторических источников предоставляет фактический материал для анализа влияния политико-географических условий Сибири на политическое и хозяйственное развитие аборигенного и пришлого населения

---

[51] Плано Карпини К. Д. История монгалов / Джованни дельПланоКарпини, 3-е изд. Путешествие в Восточные страны / Гильом де Рубрук, 3-е изд. Книга Марка Поло, 4-е изд. / [к сб. в целом вступ. ст. ,коммент. М. Б. Горнунга]. Москва, 1997. 461 с.

[52] Поло М. "Книга" Марко Поло / Поло Марко ; пер. старофр. текста И. П. Минаева ; ред. и вступ. ст. И. П. Магидовича. - М. : Географгиз, 1955. – 375 с.

[53] Покровский Ф. И. Путешествие в Монголию и Китай сибирского казака Ивана Петлина в 1618 году // Известия Отделения русского языка и словесности. СПб., 1914. Т. XVIII. Вып. 4. С. 14-26.; Банников А.Г. Первые русские путешествия в Монголию и Северный Китай: Василий Тюменец, Иван Петлин, Федор Байков. М., 1954. 55 с.; Белов М.И. Русские мореходы в Ледовитом и Тихом океанах: сборник документов о великих русских географических открытиях на северо–востоке Азии в XVII веке / М.И. Белов. М., Л., 1952. 358 с.

[54] Демидова Н. Ф. Первые русские дипломаты в Китае : ("Роспись" И. Петлина и статейный список Ф. И. Байкова / Н. Ф. Демидова, В. С. Мясников ; ред. З. М. Евсенина ; [предисл. Л. И. Думана] ; АН СССР, Ин-т народов Азии, Центр.гос. архив древних актов. - Москва : Наука, Главная редакция восточной литературы, 1966. - 159 с., 1 л. карт.: ил ;

Западной Сибири, становление сибирской государственности, политическую ссылку в Сибирь конца XVI – начала XVII вв.

Структура работы. Структура данной работы обусловлена объектом, предметом, целью и задачами исследования. Работа состоит из введения, двух глав и заключения.

Введение раскрывает актуальность темы исследования, определяет степень ее научной разработанности, ставит цель и задачи исследования, представляет использованные методы и характеристику источников.

В первой главе рассматривается дискуссия о «дорусской» государственности в сибирской историографии второй половины XX – начале XXI вв., определяются позиции сторон, их аргументация и влияние внешних условий на развитие дискуссий. Также рассматривается влияние природно-хозяйственных условий на возникновение и дальнейшее развитие государственности на территории Сибири.

Во второй главе исследуется дискуссия о сибирском фронтире в сибирской историографии (вторая половина XX – начало XXI вв.. Дается общая характеристика возникновения и развития концепта «фронтир» и начального этапа применения данного концепта к истории освоения Сибири. Исследуются позиции сторон, их аргументация и влияние внешних условий на развитие дискуссии о «фронтире».

В заключении подводятся итоги исследования, приводятся окончательные выводы по рассматриваемым дискуссиям, отмечаются новые, в том числе открывшиеся в ходе исследования направления, недостаточно изученные исторической наукой.

Глава 1 Дискуссия о «дорусской» государственности в сибирской историографии (вторая половина XX – начало XXI вв.)

1.1 Характеристика политико-географических условий Сибири в работах историков

На сегодняшний день общепризнанно влияние природно-климатических условий на формирование и развитие хозяйства, культуры, государственности.

Представители географического направления, Г. Бокль (Англия), К. Риттер, Ф. Ратцель, К. Хаусхофер (Германия), Ю. Челлен (Швеция), Ж. Реклю, П. Видаль (Франция), считали, что плодородные почвы, наличие полезных ископаемых, выход к морю оказывают положительное влияние на развитие общества[55]. Британский культуролог А. Д. Тойнби считал, что для успешного развития общества необходимы «глобальные вызовы», такие как суровый климат, природные катаклизмы, войны и т.д. В случае существования в благоприятных климатических условиях общество способно возвратиться к первобытному состоянию[56].

Территориальные рамки исследования ограничиваются Сибирью или Северной Азией – эта территория занимает около 12,8 тыс. км^2 и ограничена с востока Тихим океаном, с запада – Уральскими горами[57].

В данном исследовании мы будем рассматривать Сибирь именно как Северную Азию, как это было принято в российской дореволюционной историографии. Деление на Сибирь и «Дальний Восток России», возникшее после 1917 г., не отражает единства экономических, демографических и политических процессов в регионе. Кроме того, при рассмотрении вопроса формирования сибирской государственности немаловажно влияние Китая и других восточных государств, а с точки зрения исследователей, признающих существование «сибирского фронтира», он не был статичен и двигался постепенно на восток, вплоть до прибрежных территорий Тихого океана.

На сегодняшний день Сибирь занимает около ¾ территории Российской Федерации. И хотя с конца XVI века, Сибирь осваивалась русскими, но даже сейчас этот регион относиться к категории малонаселенных территорий. Если на европейской части России, составляющей около четверти территории страны, проживает более 110 млн. чел., то в Сибири лишь 31 млн.

---

[55] Гринин. Л. Е. Лекция: природный фактор в аспекте теории истории // Философия и общество. 2011. №2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/lektsiya-prirodnyy-faktor-v-aspekte-teorii-istorii (дата обращения: 10.10.2019).

[56] Тойнби А. Дж. Цивилизация перед судом истории: Сборник / Пер. с англ. М., 2002. С. 26.

[57] "Славянский мир" Сибири: новые подходы в изучении процессов освоения Северной Азии / [О. Н. Бахтина, Т. А. Гончарова, Е. Е. Дутчак и др. ; ред. О. Н. Бахтина, В. Н. Сыров, Е. Е. Дутчак] ; Том. гос. ун-т, Межрегиональный ин-т обществ. наук. - Томск : Издательство Томского университета, 2009. С. 49.

чел. В числе проживающих на территории Сибири есть представители разных народов, но абсолютное большинство ее населения этнически и культурно являются русскими (85.24%)[58].

Климат Сибири характеризуется как резко континентальный, т.к. ряд горных цепей на востоке препятствует доступу воздушных масс Тихого океана, а Атлантический океан значительно удален от Сибири; расположенные на юге горные системы Памир и Тянь-Шань, препятствуют движению на север континента теплых воздушных потоков из Средней Азии и влияние Северного Ледовитого океана не способно сделать сибирский климат более мягким.

Средняя разница между температурами зимы и лета составляет около 50–65°C. Количество осадков уменьшается с запада на восток, их количество может ежегодно отличаться в три раза. Большая часть Сибири относится к зоне рискованного земледелия.

Помимо действия постоянных климатических условий на начальный этап освоения Сибири приходится «Малый ледниковый период», ставший следствием извержения вулкана Уайнапути́на в Южной Америке. Наибольшее похолодание в Сибири приходится на 50-е годы XVI века[59]. «Частые засухи, обильные летние дожди, значительные похолодания летом и осенью, суровые зимы, высокие половодья и наводнения летом приводили к неурожаю, голоду и гибели людей»[60].

Таким образом, «столь нестабильные климатические условия вносят постоянную динамику в хозяйствование народов Сибири: достаточно «одного-двух годов стихийных вроде засухи, неулова рыбы, недостатка зверя, и население в своей массе начинает голодать»[61]. Вследствие этого, со временем происходит изменение типа хозяйства, его переключение на более надёжный или удобный на данный момент. Также велико хозяйственное влияние этносов друг на друга. Так, «главными занятиями хантов и манси, как и селькупов, были охота и рыболовство. В южных районах под влиянием татар, ханты и манси занимались скотоводством, а на Тавде и Пелыме у манси было примитивное земледелие, схожее с татарами. В низовьях Оби ханты, подобно ненцам, имели стада оленей»[62].

Еще до прихода русских в Сибири было распространено земледелие, что признает даже П. А. Словцов, придерживавшийся весьма невысокого мнения о развитии хозяйства и

---

[58] Бахтиной О.Н., Сырова В.Н., Дутчак Е.Е. «Славянский мир» Сибири: новые подходы в изучении процессов освоения Северной Азии... С 49.

[59] Жилина Т.Н. Природно-климатические условия 1550-1850 гг. как фактор риска развития сельского хозяйства в Западной Сибири // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 354. С. 77.

[60] Жилина Т.Н. Природно-климатические условия 1550-1850 гг.... С. 78.

[61] Дунин-Горкавич А.А. Необходимость открытия порто-франко в устьях Оби и Енисея. Тобольск, 1907. С. 2.

[62] История Сибири с древнейших времен до наших дней : в 5 т. . Т. 2 / редкол. тома: В. И. Шунков [и др.] ; Акад. наук СССР, Отд-ние истории Акад. наук СССР, Сиботд-ние, Ин-т истории, филологии и философии. - Л. : Наука, Ленингр. отд-ние, 1968. - 537, [1] с.

государственности аборигенов Сибири и так характеризовавшего коренные этносы Сибири: «Такая хаотическая смесь дикарей, существовавших звероловством и рыболовством...»[63]. Но в тоже время он отмечал: «Вот туземцы, которые пресмыкались от Урала до Енисея, по трем продольным плоскостям, из которых одна тундропромерзлая, другая лесисто-болотная и третья хлебородная, заселенная татарами, пахарями»[64].

Исследователи сходятся во мнении, что большинство народов Сибири практиковали комплексное хозяйство, которое «нередко сочетало в себе присваивающие (охота, рыболовство, собирательство) и производящие (оленеводство, скотоводство, земледелие) формы»[65]. Это позволяло наиболее успешно приспосабливаться к природно-климатическим условиям региона.

Как правило, утверждения о наличии земледельческого и комплексного хозяйства строятся на таких археологических данных, как обнаружение орудий для возделывания земли, охотничьих и рыболовных приспособлений, залежей отходов от перерабатываемых культур, остатков шкур скота и т. д.

Сложность определения времени возникновения на территории Сибири комплексного и земледельческого типа хозяйств обусловлена тем, что на начальном этапе развития земледелия характерно использование орудий из дерева и камня. Дерево в случае отсутствия благоприятных условий не сохраняется[66], каменные орудия не имели повсеместного распространения, особая скудность круга каменных орудий отмечается исследователями в центральных районах Западной Сибири[67].

Распространенность земледелия у аборигенных народов Сибири подтверждается и по косвенным показателям: оседлое проживание, расселение по поймам рек, наличие следов выкорчёвывания деревьев[68]. Неслучайно раскопки городищ Сибирского Юрта дали ряд

---

[63] Словцов П. А. Историческое обозрение Сибири. Кн. I. М., 2013. С. 89.

[64] Словцов П. А. Историческое обозрение Сибири... С. 89.

[65] См. Например: Шерстова Л. И. Аборигенная политика России и этнополитические процессы в Сибири: конец XVI – начало XX в. Томск. 2017.С. 9. ;Оленеводческое хозяйство северной группы хантов и манси // Всесоюзная сессия, посвященная итогам полевых этнографических и антропологических исследований 1976—1977: тезисы докладов. Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1978. С. 126—127.; Оленеводческая культура народов Западной Сибири. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2003. С. 10.

[66] Сидоров Е.А. О земледелии ирменской культуры (по материалам лесостепного Приобья) // Палеоэкономика Сибири. Новосибирск: Наука, 1986. С. 60-63.

[67] Чемякина М.А., Дергачева М.И. О существовании земледелия в Барабинской лесостепи в эпоху поздней бронзы – переходного времени от бронзы к железу // Актуальные проблемы археологии, истории и культуры: (к юбилею профессора Т.Н. Троицкой). Новосибирск: Новосиб. гос. пед. ун-т, 2005. С. 194–195.

[68] Кривцова-Гракова О.А. Алексеевское поселение и могильник // Тр. ГИМ. 1948. Вып. 17. С. 104. ;Заднепровский Ю.А. Древнеземледельческая культура Ферганы. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962. С. 75. ;Мартынов А.И. Лесостепная тагарская культура. Новосибирск: Наука, 1979. С. 100.

находок: горбуши (косы), сошники, жернова[69]. В Ремезовской летописи при описании похода Ермака говорится о татарах, которые помимо кочевого скотоводства «сеяли видимо полбу, ячмень, овес»[70].

Таким образом, на разных материалах доказано, что ко времени прихода русских переселенцев в Сибирь у местных народов существовало развитое земледельческое хозяйство. Однако, вопрос о соотношении типов хозяйств (комплексного, оседлого, полукочевого, кочевого) в Сибири остается открытым. Во многих источниках население Сибири «делится на тех, кто жил по «волостям» (оседлые группы), и на тех, кто был сосредоточен в «улусах». Последние явно были татарами, ведшими кочевой или полукочевой образ жизни»[71].

Большинство исследователей[72] сходятся во мнении, что к началу XVII в. в Сибири преобладало именно комплексное хозяйство, органично сочетающее элементы присваивающего и производящего хозяйств.

Другой неотъемлемой частью хозяйства сибирских народов было скотоводство. Скотоводство Сибири не было широко распространено вследствие сложных климатических условий, особенно во время «Малого ледникового периода». В основном лошадей и скот покупали у народов, проживающих южнее: ногайцев, бухарцев и т. д. На севере было распространено оленеводство как наиболее удачный тип скотоводства для данных условий. В дальнейшем, с приходом русских, оленеводство получило новый импульс для своего развития, т. к. «необходимость спрятаться от сборщиков ясака приводила к тому, что более безопасным становилось оленеводство»[73].

Еще исследователями XIX в. было установлено, что к XVI в. пушниной промысел все более ставится товарным[74]. Если ранее пушной промысел был ориентирован на удовлетворение собственных нужд промысловиков и имел подсобный характер, то к середине столетия появляются люди, специализирующиеся на добыче мягкой рухляди. К этому времени начали формироваться маршруты поставки мягкой рухляди из Сибири в Европу.

Современные исследователи дополнили эти выводы и установили, что рост спроса на пушнину вызвал рост цен и, как следствие, большее распространение пушного промысла среди аборигенов, и это привело к постепенному отходу части населения от ведения комплексного

---

[69] Левашева В.П. О городищах Сибирского юрта // Советская археология,1950, № XIII. С. 341-350.

[70] Копылов Д.И. Ермак. Иркутск, 1989. С. 75.

[71] Исхаков Д.М. Введение в историю Сибирского ханства. Очерки. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2006. С. 141.

[72] Шерстова Л. И. Трансформация хозяйства аборигенного населения Южной Сибири в XVII–XIX вв. / Л. И. Шерстова // Вестник Томского государственного университета. История. 2010. № 1 (9). С. 96.

[73] Шерстова Л. И. Аборигенная политика России и этнополитические процессы в Сибири... С. 54.

[74] Титов А. Сибирь в XVII в. Сборник старинных русских статей о Сибири и прилежащих к ней землях. М., 1890. С. 3-5.

хозяйства в конце XVI в.[75] Рост добычи пушных зверей вел к постепенному истреблению значительной части их популяций и сокращал доходность пушного промысла вследствие увеличения объема издержек на добычу. Поэтому охотники за пушным зверем все дальше проникали на территорию Восточной Сибири, где еще оставались нетронутые массой охотников леса.

На юго-востоке Западной Сибири была расположена важнейшая для региона металлургическая сырьевая база. Добытый здесь металл распространялся далеко за пределы Притомья. Причем из металла изготавливались как хозяйственная утварь, так и широкий ассортимент оружия[76]. Различные изделия из металла являются частой находкой археологов: так, в курганах близь п. Тимерязево, где вначале XVII в. располагался «Тоянов городок», обнаружено множество украшений из бронзы (бубенчики, серьги, бусы, ожерелья), а также оружие, конная упряжь. Следы «трупосожжений» в нескорых курганах, богатая одежда погребенного, по мнению специалистов, свидетельствуют о наличии значительной социальной дифференциации[77].

Таким образом, на сегодняшний день исследователями установлено, что еще до начала русской колонизации в Сибири были распространены типы экономической деятельности разного уровня сложности – от собирательства до металлургии[78]. Рост товарности ряда промыслов, особенно пушного промысла, вел к складыванию тесных экономических, культурных и политических связей, как между сибирскими народами, так и с народами Средней Азии, Китаем, Московским царством и т.д., что все более вводило Сибирь в евразийские международные торговые отношения. Развитие хозяйств сибирских народов, их все большая специализация вели к развитию обмена и торговли. На Обдоре существовала ежегодная ярмарка, где «ханты продавали ненцам сухую рыбу и жир рыбий, а также оленей, и в обмен получали от них пушнину, и вероятно, продукты морского промысла»[79].

Южная часть Сибири была больше вовлечена в международные торговые отношения, чем ее северная и центральная части, что объясняется наличием на ее территории границы между природными зонами и местом соприкосновения со среднеазиатскими кочевыми

---

[75] Шерстова Л.И. Тюрки и русские в Южной Сибири: этнополитические процессы и этнокультурная динамика XVII - начала XX века. Новосибирск, 2005. С. 101.

[76] Бояршинова З.Я. Население Западной Сибири до начала русской колонизации. Томск, 1960. С. 90.

[77] Зайцева О. В., Кузнецов Н. А., Беликова О. Б., Водясов Е. В. Забытые комплексы и китайские монеты Тимирязевского-1 курганного могильника / Сибирские исторические исследования. 2016. № 4. С. 281-301.

[78] Сборник князя Хилкова : [документы по истории России XVI-XVII вв. / кн. Григорий Хилков]. - Санкт-Петербург : Тип. брат. Пантелеевых, 1879. С. 191.; Шерстова Л.И. Тюрки и русские в Южной Сибири: этнополитические процессы и этнокультурная динамика XVII - начала XX века. Новосибирск, 2005. С. 101-103.

[79] Кызласов Л.Р. Письменные известия о древних городах Сибири. М., 1992. С. 58.

народами. Важным для понимания международных отношений в регионе является наличие на юге Сибири ответвления торгового пути между Китаем и Европой, которое являлось транзитным путем через Сибирь. Большинство крупных рек Сибири, таких как Обь, Енисей, Лена, протекают с юга на север. Такое их расположение не создавало препятствий для движения торговцев и целых народов по оси север-юг, в тоже время при движении по оси запад-восток реки становились препятствием. Реки являлись важными транспортными артериями региона и одновременно преградами для движения.

В «Новгородском цикле первоначальных известий о Сибири» так говорится о торговом пути, идущем с севера в верхнее течение Оби: «Вверх тоя ж рекы великия Оби есть люди ходят попод землёю иною рекою день да нощь, о огни. И выходят на озеро. И над тем озером свет пречюден. И град велик, а посаду нет у него. И кто поедет к граду тому и тогда слышити том велик в граде том как и в прочих градех»[80]. Видимо, упомянутый в летописи город находился в области Саяно-Алтайского нагорья и являлся важным центром торговли между самоедами севера и народами юга Сибири. Точное расположение города пока не установлено.

Л. Р. Кызласов и другие исследователи[81] «дорусского» периода развития Сибири указывают на торговые отношения с европейскими государствами, в частности, с Новгородским, Московским княжествами. Это подтверждается археологическими находками, например в бассейне р. Камы[82]. Тесные связи сибирские народы имели и со среднеазиатскими государствами: «по берегам впадающих в Иртыш рек железных шлемов, серебряных блюд, чаш, кубков, изображений Артемиды, сработанных бактийскими, хорезмийскими, иранскими мастерами в 4–1 вв. до н.э.»[83].

Во время монгольского завоевания происходит разрыв внешнеторговых связей, но к концу XIII в. «бухарские караваны при своих странствиях доходили даже до низовий Оби, выменивая везде, где только было можно, мягкую рухлядь на предметы восточного ремесла»[84].

Детальный анализ торговых отношений сибирских народов провел в ряде своих работ исследователь О. Н. Вилков, им было установлено, что в начале XVII в. в г. Тобольск импортировалось из региона Средней Азии около 47 разновидностей товаров (специи, бумага,

---

[80] Кызласов Л.Р. Письменные известия... С. 41.

[81] Чернышов С. А. Присоединение Западной Сибири к Русскому государству в XVI–XVII вв.: торгово-экономический аспект / С. А. Чернышов // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 370. С. 105-108. ;Карцов В.Г. Народы Сибири. Очерки прошлого. М., 1935. С. 71.

[82] Бахрушин С.В. Пути в Сибирь в XVI-XVII вв // Бахрушин С.В. Научные труды. М., 1955. Т. 3, ч. 1. С. 93.

[83] Вилков О.Н. Очерки социально-экономического развития Сибири в конце XVI – начале XVII вв. Новосибирск, 1992. С. 83.

[84] Цит. по: Кызласов Л.Р. Письменные известия о древних городах Сибири. М., 1992. С. 173.

металлические украшения и т. д.), из Китая и арабских стран около 12 разновидностей товаров (с преобладанием одежды и чая).[85]

В экспорте преобладала пушнина, долю которой оценивают в диапазоне от четверти до половины совокупного экспорта Сибири. О. Н. Вилков приводит более точные данные, по его подсчетам пушнина в сибирском экспорте «дорусского» периода составляла 40,6%[86], также значительную долу экспорта составляли бобровая и кабарожья струя.[87]

Достаточно активно торговля велась в западном и северо-западном направлении с Новгородским государством и через него с европейскими странами. Так жители бассейна реки Таз приобретали у русских сукно, котлы, сало, масло, панцири и толокно[88]. Жители полуострова Ямал, которые были охотниками на морского зверя, нуждались в металлических приспособлениях для охоты, которые новгородцы могли предложить[89], в свою очередь новгородцы получали в качестве платы весьма ценные моржовые клыки, так складывались связи с западными соседями.

Отношения русских с сибирскими народами далеко не всегда носили мирный характер. С конца XII в. новгородцы не раз посылали отряды в Югорскую землю для обложения местных народов данью. Но, видимо, к тому времени Югра имела достаточно сильное войско для отражения этих попыток[90]. В летописных рассказах не раз отмечаются попытки новгородцев «примучить» Югру. Так в 1187 г. новгородцы потеряли в бою с югорцами «100 именитых воинов»[91], в 1194 г. югорцы успешно выдержали осаду одного из своих городков[92], а после почти полностью уничтожили осаждавший их отряд воеводы Ядрея.

Наличие городов в югорских землях, войска способного вести успешную оборону против весьма сильного неприятеля говорит о развитости хозяйства региона и наличии властных органов. К концу XV в. Новгородское княжество попало под власть Московского княжества. Иван III, расширяя свои владения, направлял военные экспедиции в Сибирь, где русским в то время противостояла Югра. В 1483 г. московские отряды «впервые перешли Уральские горы и воевали "югорских" и "кодеках" князей»[93], взяли в плен Великого князя Югорского Молдана.

---

[85] Вилков О.Н. Очерки социально-экономического развития... С. 187-185.

[86] Вилков О.Н. Очерки социально-экономического развития... С. 196.

[87] Вилков О.Н. Очерки социально-экономического развития... С. 197.

[88] Вилков О.Н. Очерки социально-экономического развития... С. 34.

[89] Бояршинова З.Я. Население Западной Сибири до начала русской колонизации. Томск, С. 30.

[90] Кызласов Л.Р. Письменные известия о древних городах Сибири. М., 1992. С. 39.

[91] Цит. по: Арктическая энциклопедия: в 2-х томах — дополненное и переработанное издание «Северной энциклопедии» / отв. ред. Ю.Ф. Лукин. М.: Издательство «Паулсен», 2017. Т.1. С. 510.

[92] См. об этом: Арктическая энциклопедия... С. 510.

[93] Цит. по: Бахрушин С.В. Пути в Сибирь в XVI-XVII вв // Бахрушин С.В. Научные труды. М., 1955. Т. 3, ч. 1. С. 41.

Новый поход 1499–1500 гг. под командованием князей Петра Ушатого и Семена Курбского также встретил значительное сопротивление. По данным «Разрядной книги за 1475-1605 гг.»[94]: «Убили воеводы на Камени 50 человек самоедя, а взяша 200 оленей. А от Камени неделю до первого городка Ляпяна. Из Лялина встретили' додоряня (обдоряне) на оленях, а рать на собахах. Ляпянвзяли и поймала 33 города ... Да Василей же Бражник взял 50 городов...»[95]. Необходимо отметить, что «городами» здесь названы не только города в современном понимании, но и «городки» военные укрепления, расположенные в труднодоступных местах.

Итогом военных походов конца XIV вв. стало признание рядом селений над собой власти московского князя, но с уходом московских отрядов они забыли в принятом вассалитете, так как Московским князем не были предприняты необходимые меры для укрепления своей власти в Сибири. Более частые и успешные походы позволили Ивану III в 1502 году добавить к своему титулу «Обдорский и Югорский»[96].

Как советскими, так и современными исследователями,[97] отмечается, что в середине XVI в., наметились тенденции к изменению направления торговых потоков в сибирской торговле.

Это привело к появлению новых торговых путей в обход Новгорода. Так в конце XVI в. голландские и английские экспедиции прокладывали маршрут по Северному Ледовитому Океану.

Вероятно, как реакция на продвижение европейцев в Сибирь Московское государство активизирует экспансию в регион. Принимаются меры по противодействию торговли европейцев в Сибири. В 1584 г. отряд английской фактории, ведший успешную торговлю с аборигенами, подвергся со стороны служилых людей конфискации всего купленного в Сибири. В начале XVII в. действовал строгий запрет на торговлю и сопровождение «немецких людяй на Енисее и в Мангазее»[98].

---

[94] Разрядная книга, 1475-1605 гг. Т. 1, ч. 2 / [сост. Н. Г. Савич ; под ред. В. И. Буганова] ; Акад. наук СССР, Ин-т истории СССР. - Москва : Институт истории СССР, 1977. - С. 189-405 с.

[95] Цит. по: История открытия и исследования Советской Азии / Авт.: А. А. Азатьян, М. И. Белов, Н. А. Гвоздецкий, Л. Г. Каманин, Э. М. Мурзаев, Р. Л. Югай; Науч. редакция Э. М. Мурзаева. — М.: Мысль, 1969. — 536 с. — (Открытие Земли). С 204.

[96] См. об этом: Шерстова Л. И. Аборигенная политика России и этнополитические процессы в Сибири: конец XVI – начало XX в . Томск, 2017. С. 11.

[97] Бахрушин С.В. Русское продвижение за Урал ... С. 140.; Бахрушин С.В. Пути в Сибирь в XVI-XVII вв. // Бахрушин С.В. Научные труды. М., 1955. Т. 3, ч. 1. 317 с. ;История Сибири с древнейших времен до наших дней : в 5 т. . Т. 2 / редкол. тома: В. И. Шунков [и др.] ; Акад. наук СССР, Отд-ние истории Акад. наук СССР, Сиб отд-ние, Ин-т истории, филологии и философии. - Л. : Наука, Ленингр. отд-ние, 1968. С. 25.; Головнёв. А. В. Европейские мореходы на русском севере: путешествия и геополитика XVI–XVII веков // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2015. №3. С. 12.

[98] Буцинский П. Н. К истории Сибири: Мангазея и мангазейский уезд (1601 г.—1645 г.) (рус.) // Записки Императорского Харьковского университета: журнал. Харьков, 1893. Вып. I. С. 37.

Усиление московского влияния в Зауралье все более осложняло отношения с Сибирским ханством. Это нарушало стабильность транзитной торговли восточных государств с европейскими. Так, хан Кучум, надеясь военным путем устранить противника, обратился к бухарскому хану за военной поддержкой, но получил отказ, поскольку «бухарцам, в результате присоединения Сибири к России открывался доступ к рынкам Европейского Зауралья»[99].

Таким образом, участники о дорусской государственности в сибирской историографии в разной степени признают включенность Сибири в сложное переплетение экономических, культурных и политических процессов евразийского региона. Восточные государства были заинтересованы в бесперебойной торговле с Европой, что могло обеспечить Московское государство, но не Сибирское ханство. Рост стоимости пушнины, моржовых клыков все более активизировал торговые связи с европейцами, что вызывало сопротивление Москвы, видевшей Сибирь только под своим влиянием и не желавшей делиться доходами от пушнины с кем-либо.

1.2 Становление и развитие научных представлений о происхождении государственности в Сибири

Одним из ключевых моментов истории любого народа является история государственности. Государственность является признаком высокого уровня развития этноса, сумевшего создать правовую систему и постоянно действующие институты управления обществом. Таким образом, понятие «государственность» существенно шире понятия «государство», понимаемого исследователями как, «расположенная на определенной территории единая политическая организация общества, при которой органы публичной власти обладают исключительным правом на централизованное управление и на применение средств принуждения».[100]

Одним из первых отечественных историков, отрицавших наличие развитой цивилизации и государственности в Сибири был П. А. Словцов. Сосланный в 1808 году по ложному доносу в г. Тобольск. Он служил в канцелярии сибирского генерал-губернатора по особым поручениям[101]. В Сибири П. А. Словцов занимался историческими исследованиями и поэтическим творчеством. В 1838 году он опубликовал первую часть своего труда «Историческое обозрение Сибири», посвященную периоду сибирской истории 1588 – 1742 гг.[102] Говоря о сибирских народах, П. А. Словцов отмечал, что в хозяйстве аборигенов

---

[99] Бахрушин С.В. Сибирь и Средняя Азия в XVI и XVII вв. // С.В. Бахрушин. Научные труды. В 4 т. Т. 4. М., 1952-1959. С. 207.

[100] Волков С.Ю. Нижегородский госуниверситет осударство как политический институт. Нижний Новгород: Нижегородский госуниверситет, 2014. С. 4.

[101] Степанов Н. П. А. Словцов: (У истоков сиб. областничества). Л., 1935. С. 9.

[102] Словцов П.А. Историческое обозрение Сибири / П.А. Словцов. СПб.: Типография И.Н. Скороходова, 1886. 326 с.

преобладает «звероловство и рыболовство»[103]. Преимущественно присваивающий тип хозяйствования приводит его к выводу об отсутствии развитой государственности у народов, населявших Сибирь до прихода сюда русских.

Но необходимо отметить, что в «дорусский» период в Сибири уже существовало достаточно развитое земледелие, так даже склонный к скептицизму относительно экономических возможностей аборигенов Сибири П. А. Словцов называет часть татар земледельцами, ведущими оседлое или полукочевое хозяйство, и указывает, малая доля аборигенов имеет некоторое подобие письма, привнесённое в Сибирь в ходе обращения татар в мусульманство[104].

Рассматривая источниковую базу, на основании которой делает выводы П. А. Словцов, необходимо указать, что целый ряд источников был недоступен для историков начала XIX в. Так, «Ремезовская летопись» была опубликована лишь в 1849 г. в книге П. И. Небольсина «Покорение Сибири»[105], а «Исторические записки: (Ши цзи)»[106] стали известны отечественной исторической науке только в конце XX в. Таким образом, П.А. Словцов, основываясь на доступных ему источниках, приходил к логичным выводам об отсутствии развитой государственности, письменности и цивилизации в Сибири «дорусского» периода.

После 1917 года многие неизвестные ранее источники были опубликованы. Их изучение, особенно в послевоенный период, осуществлялось через призму идей марксизма и формационного подхода. В марксизме процессы возникновения государства были поставлены в зависимость от уровня развития социально-экономических отношений.

Именно историки–марксисты считали коренные этносы, стоящими на первобытнообщинной стадии и наиболее последовательно отрицали наличие государств и государственности у сибирских народов[107]. Необходимо отметить еще одну существенную деталь советской исторической науки – ее европоцентричность. Например, изучение сибирской истории в довоенный и послевоенный периоды начиналось, как правило, с похода Ермака. Однако следует уточнить, что объективной причиной этого была не только принятая концепция, но и малая информативность сохранившихся источников, и малая разработанность региональной историографии.

---

[103] Словцов П. А. Историческое обозрение Сибири.КнигаI / Словцов П.А. Москва, 2013. С. 89.

[104] Словцов П.А. История Сибири. От Ермака до Екатерины II / П.А. Словцов. М.: Вече, 2006. С. 59.

[105] Небольсин П.И. Покорение Сибири. СПб., 1849. 271 с.

[106] Исторические записки : (Ши цзи) : [В 9 т.] : Пер. с кит. Т. 8 / СымаЦянь; [Рос. акад. наук, Отд-ние ист. -филол. наук, Ин-т востоковедения]. М., 2002. 509 с.

[107] Ефимов А.В. «Свободные земли» Америки и историческая концепция Ф. Д. Тернера. В кн.: Из истории общественных движений и международных отношений. - М.: Издательствово Академии наук СССР, 1957. 555 с.

Данный подход ярко прослеживается в коллективной монографии «Истории Сибири с древнейших времен до наших дней», изданной под редакцией А. П. Окладникова[108]. Рассмотрев структуру этого исследования, можно увидеть несоразмерность разделов: периоду от каменного века до конца XVI в. посвящен первый том работы, а периоду XVII – XVIII вв. – второй том.

Иными словами, вследствие преобладания в 1960-е гг. источников, освещавших русский период истории, возможность возникновения крупных государственных образований до XVII в. хотя и не отрицалась, но и не могла быть доказана в полной мере. Поэтому формирование государств в Восточной Сибири авторы коллективной монографии связывали «с государством северных гуннов».[109] О существовании таких государств, как Тюркский (с середины VI в. до середины VIII в.), Уйгурский (с 745 г. до 847 г.), Кыргызский (X–XI вв.) каганаты и Государство Бохай (с 698 до 926 г.), говорится в самых общих чертах, поскольку имевшиеся в этот период в распоряжении исследователей исторические источники не давали исчерпывающей информации об их устройстве, системе реализации государственной власти и не позволяли определить характер влияния названных государственных образований на политическое развитие региона в целом.

Показателен анализ словарных статей «Большой советской энциклопедии», проведенный Д.Н. Верхотуровым. В первом издании (1926 г.)[110] в разделе «Сибирь» нет исторического очерка вовсе, имеется лишь описание природных условий, топографии и торговли[111].

Во втором издании (1949 г.)[112] говорится о существовании в дорусский период ряда государств – Тюркского каганата, Государства Бохай, Кыргызского каганата, но в третьем издании (1969 г.) о сибирских государствах говорится так: «В конце 1-го тыс. до н.э. в Южной Сибири находилось племенное объединение гуннов, из которого в 1-й пол. 1-го тыс. н.э. выделились тюркоязычные народы, в 7-8 вв. – монголоязычные. Существовали знач. гос. объединения – Тюркский каганат, Бохай и др.»[113], т.е. Кыргызский каганат не упоминается, а гуннское государство, с которым был вынужден считаться даже Китай, названо «племенным объединением».

---

[108] История Сибири с древнейших времен до наших дней : в 5 т. . Т. 1 / Акад. наук СССР, Отд-ние истории Акад. наук СССР, Сиб. отд-ние, Ин-т истории, филологии и философии ; редкол. тома: А. П. Окладников (отв. ред.) [и др.]. - Л. : Наука, Ленингр. отд-ние, 1968. - 453, [1] с.: ил., [2] л. ил., [1] л. табл.

[109] История Сибири с древнейших времен до наших дней Т. 2 / гл. ред. А.П. Окладников . Л., С. 267.

[110] Большая советская энциклопедия. Т. 1 / Гл. ред. О. Ю. Шмидт. - М. : Советская энциклопедия, 1926. С. 51.

[111] Верхотуров Д. Н. Идея сибирской самостоятельности вчера и сегодня / Дмитрий Верхотуров. - Москва, 2009. С. 19.

[112] Большая советская энциклопедия. Т. 1 / Гл. ред. С. И. Вавилов. 2-е изд. М. : Советская энциклопедия, 1949. С. 65.

[113] Цит. по: Верхотуров Д. Н. Идея сибирской самостоятельности вчера и сегодня / Дмитрий Верхотуров. - Москва, 2009. С. 19.

Подобное принижение значения политических образований «дорусского» периода и уровня развития политических отношений связано с принятием в советской историографии концепции «мирного вхождения» Сибири в состав Московского государства.

Необходимо отметить, что одна из идеологических причин малого числа работ о сибирской государственности связана с обоснованием принадлежности Сибири к Российской империи, позже к СССР. Обоснование более древней истории завоеванной территории могло бы привести к сепаратизму, национально освободительным движениям, что еще отмечали идеологи сибирского областничества[114].

Недостаточный объем источников по «дорусскому» периоду не только не позволял проводить основательные исследования потестарных образований в Сибири, но и зачастую приводил, вследствие малой изученности последних, к отрицанию существования государств и государственности в Сибири.

Одним из советских историков, наиболее решительно отрицавших существование государственности у народов Сибири, был В. И. Шунков, бывший достаточно авторитетным специалистом по истории Сибири XVII – XVIII вв., совместно с академиком А. П. Окладниковым подготовившем к печати второй том фундаментальной коллективной монографии «История Сибири с древнейших времен»[115]. Во всех своих трудах он придерживался положения: «Едва ли подлежит сомнению, что до конца XVI века у большинства народов Сибири первобытнообщинный строй был еще господствующим»[116].

Это положение связано с другим тезисом – о начале массового распространения земледелия в Сибири с приходом русских крестьян. Им подчеркивалось, что колонизация Сибири осуществлялась мирным путем, в основном крестьянами-переселенцами, а не направленной деятельностью государства. Мирная колонизация региона была возможной, по мнению исследователя, лишь при отсутствии государственности у сибирских народов.

Эти выводы В. И. Шункова оказали огромное влияние на дальнейшее развитие советской и российской историографии.

Таким образом, стало общепринятым утверждение, что на территории Сибири господствовал первобытнообщинный строй, имелось влияние племенного объединения гуннов, но государства и государственности не существовало.

---

[114] Шиловский М. В. Общественно-политическое движение в Сибири... С. 59; Он же: Воспоминания // Литературное наследство Сибири. Новосибирск, 1983. Т. 6. С. 210. ; Малинов А. В. М–19 Философия и идеология областничества. СПб.: Интерсоцис, 2012. С. 12-13.

[115] История Сибири с древнейших времен до наших дней: в 5 т. Т.2. Сибирь в составе феодальной России /гл. ред. А.П. Окладников; В.И. Шунков .- Л: Наука. Ленингр. отд-ние, 1968. 540с.: ил.

[116] Кызласов Л. Р. Письменные известия... С. 5.

В значительной мере сторонники «вхождения», «мирной колонизации» Сибири разделяли взгляды В. И. Шункова и были согласны с логикой действий Московского царства как цивилизаторской силы для сибирских народов. Если на мнение П. А. Словцова о сибирской государственности и цивилизации повлияло, прежде всего, отсутствие опубликованной источниковой базы, то на выводы В. И. Шункова, рассматривавшего историю Сибири на основе марксистской методологии, оказывали влияние идеологические обстоятельства. В послевоенный период старая концепция «завоевания Сибири» не соответствовала внутриполитическому курсу СССР на сплочение общества, это требовало от советских историков соблюдения определенной политкорректности в исследованиях истории региона.

1.3 Складывание концепции «дорусской» государственности Сибири и особенности формирования русских государственных институтов в Сибири на примере г. Томск

Для понимания позиций историков второй половины XX в. - начала XXI в. признающих наличие государственности на территории Сибири в «дорусский» период необходимо учитывать этапы развития исторического знания о Зауралье, которые сделали возможным формирование альтернативной версии сибирской истории.

В изучении развития, и, как следствие, признании государственности и цивилизации сибирских народов можно выделить два периода: советский и постсоветский.

Основой для формирования выводов советских историков во многом послужили труды *дореволюционных авторов*, которые можно назвать описательными, поскольку введение в научный оборот фрагментарных исторических данных не было подчинено какой-либо концепции**.** Однако именно благодаря им был накоплен обширный фактологический материал для дальнейшего формирования обобщающих теорий.

Систематическое изучение истории Сибири началось с 50-х годов XVIII в. Г.Ф. Миллер систематизировал доступные ему источники и на их основе написал свой фундаментальный труд «История Сибири»[117]. В этот труд критически оценивал информацию содержащуюся в рассматриваемых источниках и имел четкую логику изложения материала.

Г.Ф. Миллер специально не рассматривал вопрос о сибирской государственности «дорусского» периода и не давал оценочных суждений об уровне политического развития аборигенов Сибири, но на основании применения к потестарным образованиям народов Сибири таких понятий как «ханство», «княжество» можно предположить, что историк не относил сибирские народы к догосударственному уровню развития. Именно с его трудов в отечественной историографии дореволюционного периода закрепилась концепция «завоевания» Сибири, которая предполагала признание достаточно консолидированных

[117] Миллер Г.Ф. История Сибири. В 2 т. Т. 1. М., Л., 1937. 607 с. ; Его же. История Сибири. В 2 т. Т. 2. М., Л., 1941. 796 с.

местных военных подразделений, которые были способны противостоять силам Московского царства.

Дальнейшее развитие концепция «завоевания» Сибири получила в труде «История государства Российского» Н. М. Карамзина, где одна из глав девятого тома называется «Первое завоевание Сибири»[118]. Н. М. Карамзин уже однозначно признает наличие в Сибири государственности и государств. Например, он приводит генеалогию правящих династий в Сибирском ханстве и считает хана Кучума правителем, захватившем власть силой, что привело к внутренним войнам с другими, более легитимными претендентами на власть. Как и Г.Ф. Миллер, Н.М. Карамзин отмечает развитую военную сферу у сибирских народов. Столкновения между московскими и сибирскими военными отрядами описываются им как сражения примерно равных противников.

При изучении государственности в Сибири исследователи, придерживавшиеся идеи о «дорусском» её характере, не рассматривают подробно письменность сибирских народов, но, безусловно, признают ее существование задолго до прихода русских. Еще Г. Ф. Миллер занимался исследованием письменности в Сибири и пытался расшифровать надписи, высеченные на камне близь села Уйбат (территория современной республики Хакисия[119]). Н.М. Карамзин специально не рассматривал письменность народов Сибири, но и не отрицал её существования. Дальнейший анализ имеющихся письменных источников затруднялся тем, что объем накопленного материала не позволял в XVII — первой половине XIX вв расшифровать надписи.

Во второй половине XIX — начале XX вв. выходит ряд работ, рассматривавших отдельные аспекты процесса формирования политических институтов в Сибири, но при этом вопрос о характере и происхождении «дорусской» государственности как самостоятельная научная проблема не ставится. К числу таких работ можно отнести, например, «Исторический очерк Сибири» В. К. Андриевича[120], работы П. Н. Буцинского[121]; исследования Н. М. Ядринцева[122], Г. Н. Потанина[123], А. Н. Пыпина[124], В. И. Межова[125] и А. М. Гневушева[126].

---

[118] Карамзин Н. М. История государства Российского. В 4 т. Т. 3. Ростов н/Д., 1994. С. 481-503.

[119] См. об этом: Кызласов И. Т, К97 Древняя письменность саяно-алтайских тюрков: Рассказы археолога.— М.: Издательская фирма «Восточная литература». РАН, 1994. С. 13.

[120] Андриевич В. К. История Сибири. В 2 т. Т. 1. СПб., 1889. 220 с.

[121] Буцинский П. Н. Заселение Сибири и быт её первых насельников. Харьков, 1889. 345 с. ; Его же. К истории Сибири: Сургут, Нарым, Кетск до 1645 года. Харьков, 1893. 144 с. ;

[122] Ядринцев Н.М. Сибирь как колония. СПб., 1882. 750 с. ; Его же. Сибирские инородцы, их быт и современное положение. СПб., 1891. 308 с.

[123] Потанин Г. Н. Очерки Северо-Западной Монголии : результаты путешествия, исполненного в 1876-1877 годах по поручению Императорского Русского географического общества членом-сотрудником оного Г. Н. Потаниным. Вып. 1. СПб. , 1881. 425 с. ; Потанин Г. Н. Областническая тенденция в Сибири / Г. Потанин. - Томск : паровая типо-литография Сибирского товарищества печатного дела, 1907. 64 с.

Советский период. В данном случае есть смысл говорить как о самостоятельных «довоенном» и «послевоенном» этапах. Их отличает разница в подходах к изучению политической истории и цивилизационных особенностей сибирских народов, хотя все они не выходили за пределы формационной теории.

Переломным периодом можно считать конец 1940-х – начало 1950-х г.г., когда наряду с продолжением изучения политического развития народов Сибири, начали формироваться новые объяснительные модели. Классическими исследованиями данного периода являются труды С.В. Бахрушина[127]. С. В. Бахрушин не отрицал наличия государственности в Сибири, как Г. Ф. Миллер и Н. М. Карамзин использовал термины «ханство», «княжество» для характеристики государственных образований «дорусской» Сибири рассматриваемого периода. Работая в рамах формационного подхода, С. В. Бахрушин указывал на невысокий уровень развития политических институтов народов Сибири.

В послевоенный период классическими становятся труды З. Я. Бояршиновой[128], где детально исследована социально-экономическая история народов Сибири. Хотя вопрос об их государственности специально исследовательницей не рассматривался, но все известные и документально подтвержденные факты существования и развития политических институтов были ею учтены. В этом же ключе писали свои работы В. Г. Мирзоев[129], Н. А. Миненко[130], Л. М. Горюшкин[131], М. Б. Шейнфельд[132] и другие авторы.

Постсоветский период характеризуется ослаблением внешнего идеологического влияния на научные исследования и критикой формационной теории. Новосибирский историк Д. Я. Резун прямо говорил о невозможности его применения к объяснению «конкретных, а не

---

[124] Пыпин А.Н. История русской этнографии. В 4 т. Т. 4. СПб., 1892. 488 с.

[125] Межов В.И. Сибирская библиография. В 3 т. Т. 1. СПб., 1903. 820 с.

[126] Гневушев А. М. Сибирские города в Смутное время. Киев, 1914. 18 с.

[127] Бахрушин С.В. Задачи исторического изучения Сибири... С. 257-262. ; Его же. Остяцкие и вогульские княжества в XVI—XVII вв. // С.В. Бахрушин. Научные труды. В 4 т. Т. 3, ч. 2. М., 1952-1959. С. 86-152. ; Его же. Пути в Сибирь в XVI-XVII вв. // С.В. Бахрушин. Научные труды в 4 т. Т. 3, ч. 1. М., 1995. С. 72-136. ; Его же. Русское продвижение за Урал // С.В. Бахрушин. Научные труды. В 4 с. Т. 3. М., 1952-1959. С. 137-162. ; Его же. Сибирские служилые татары в XVII в. // С.В. Бахрушин. Научные труды. В 4 т. Т. 3, ч. 2. М., 1952-1959. С. 153-175. ; Его же. Сибирь и Средняя Азия в XVI и XVII вв. // С.В. Бахрушин. Научные труды. В 4 т. Т. 4. М., 1952-1959. С. 179-214. ; Его же. Ясак в Сибири // С.В. Бахрушин. Научные труды. В 4 т. Т. 3, ч. 2. М., 1952-1959. С. 49-85.

[128] Бояршинова З.Я. Население Западной Сибири до начала русской колонизации. Томск, 1960. 152 с.

[129] Мирзоев В.Г. Историография Сибири (домарксистский период). М., 1970. 391 с.

[130] Миненко Н.А. Историография Сибири (период феодализма). Новосибирск, 1978. 84 с.

[131] Горюшкин Л.М. Историография Сибири (период капитализма). Новосибирск, 1979. 134 с.

[132] Шейнфельд М.Б. Историография Сибири (конец XIX – начало XX вв.). Красноярск, 1973. 399 с.

всемирно-исторических и хозяйственно-политических явлений «дорусской» Сибири»[133], что ранее могло быть опасно для исследователя и его научной деятельности. Д. Я. Резун, признавая наличие достаточно развитых государств в Сибири «дорусского» периода, отмечает их сходство с русским государством XIII–XV вв. на основании общей подчиненности Монгольской империи. Такая переориентация вела к пересмотру концепции «мирного вождения», «присоединения» Сибири к Московскому царству, так как многие существовавшие в Сибири государства выступали против роста влияния Москвы и были готовы с оружием в руках отстаивать свой суверенитет. Так концепция «мирного вождения» сталкивалась с фактами вооруженного противостояния сил Московского царства и сибирских государств[134].

Таким образом, концу XX в. подход к вопросу о дорусской государственности в Сибири существенно изменился. Развитие отечественной исторической науки и расширение корпуса исторических источников привели к признанию существования в Сибири государств и государственности задолго до прихода русских. Но остается актуальным вопрос о определении территориальных и властных пределов сибирских государств, их внутреннего устройства и взаимодействий с народами, на которые не распространялась их власть.

Сегодня интерес исследователей фокусируется на изучении процессов формирования русских государственных институтов в Сибири и развитии потестарных образований, что ведет к необходимости изучения Сибири не только как единого региона, но и как системы взаимодействия различных потестарных образований, государств и племен.

Открытым пока остается вопрос о пределах применения концепции «мирного вхождения». Его дальнейшее изучение, в частности, позволяет объяснить историю появления в составе подданных Москвы эуштинских татар во главе и их князем Тояном.

При анализе особенностей формирования русских государственных институтов в Сибири важна реконструкция микрорегиональных процессов, т. к. рост экономического и политического влияния Москвы в Сибири был обеспечен сетью острогов и поддержкой части местного населения. Строительство укрепленных пунктов стало необходимым для закрепления на данных территориях, с этой же целью строился *Томский острог*.

---

[133] Резун Д.Я., Васильевский Р.С. Летопись сибирских городов. Новосибирск, 1989. 309 с. ;Резун Д.Я., Шиловский М.В. Сибирь, конец XVI – XX века: фронтир в контексте этносоциальных и этнокультурных процессов. Новосибирск, 2005. 196 с.

[134] Огурцов А.Ю. Военно-инженерная политика России на юге Западной Сибири в XYIII в. :автореф. дис. ... канд. ист. Наук. Свердловск, 1990. 22 с. ; Его же. Русская экспансия за Уралом //Сибирская газета. 1990. № 48. С. 13-14; Его же. Русская экспансия в Южной Сибири (постановка вопроса) // Кузнецкая старина. Новокузнецк, 1994. Вып.2. С.8.

Рассмотрение формирования русских государственных институтов на примере истории возникновения Томского острога, позволит продемонстрировать валидность аргументов сторон дискуссии.

Историю возникновения г. Томска исследователи обычно связывают с событиями конца XVI в., когда казаки под предводительством атамана Ермака Тимофеевича начинают проникновение вглубь Сибири. Считается, что на своем пути они крайне редко встречали серьезное сопротивление. Сибирские татары достаточно охотно принимали подданство Белого Царя, поскольку рассчитывали получить от Москвы защиту от набегов южных кочевников: джунгар, калмыков, киргизов, ногайцев, телеутов.

Согласно Верхотурским грамотам конца XVI — начала XVII в.[135] и данным сибирских исследователей[136] в 1599 году Василий Тырков — боярский сын один из руководителей строительства Томского острога, до этого несший службу на Урале — выезжает «в Томь» для переговоров с местными князьями. По примеру чатов, населявших Среднее Приобье, русское подданство решают принять эуштинцы, в это время самая многочисленная группа томских татар — насчитывавшая около трехсот человек). Князь эуштинцев Тоян, по совету Василия Тыркова, летом 1603 года отправляется с челобитной и подарками в Москву. В январе 1604 он подает челобитную Борису Годунову с просьбой от имени «томских людей» поставить на берегу р. Томи русскую крепость с гарнизоном из служивых людей с целью защиты томских татар от набегов кочевников из южных степей. Тоян предоставляет информацию, что близь р. Томи можно заниматься скотоводством и земледелием, здесь много свободной земли, на которой русские переселенцы могут вести земледельческое хозяйство, заниматься охотой на пушного зверя и рыболовством.

Путешествие князя Тояна к Борису Годунову не явилось результатом военного или политического давления Москвы, а стало ответом на дипломатическую миссию в лице Василия Тыркова[137]. Еще нельзя говорить о равноправности договаривающихся сторон, так как именно Тоян ехал с челобитной, но помощь местной знати в колонизации была необходима вследствие удаленности региона.

---

[135] Верхотурские грамоты конца XVI — начала XVII в. М., 1982. Вып. 1. С. 117; М., 1982. Вып. 2. С. 242.

[136] Адрианов А. В. Томская старина / А. В. Адрианов. - Томск : типо-лит. Сиб. т-вапеч. дела, 1912. С. 2-3. ; Полевой Б. П. Новое о Василии Тыркове, основателе Томска // Вилков О.Н. (отв. ред.). Сибирские города XVII – начала XX века. Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, С. 58, 60–61. ; Солодкин, Я. Г. Казачество Северо-Западной Сибири на рубеже XVI–XVII столетий: очерки ранней истории: Монография. Нижневартовск: Изд-во НВГУ, 2018. С. 16.

[137] См. об этом: Черная М. П. Были и небыли Томского кремля / М. П. Черная // Вестник Томского государственного университета. 2004. № 281 : Серия "История. Краеведение. Этнология. Археология" С. 71.

Челобитная была принята Борисом Годуновым благосклонно, и 20 января 1604 года издается «Грамота царя Бориса Годунова сургутскому воеводе о строительстве г. Томска»[138]. Она является первым московским документом о Томской земле.

Князь Тоян обязывался помогать царской администрации в покорении соседних с эуштинцами народностей, которые будут выплачивать ясак, сам же Тоян получил освобождение от ясака. В грамоте Бориса Годунова предписывается отправить с Тояном в Томскую волость служилых людей с целью провести топографическую разведку местности близь р. Томи, собрать информацию о земельных угодьях, качестве леса и удобстве его доставки для строительства острога. Так было принято решение о строительстве Томского острога.

В свете челобитной и грамоты Бориса Годунова эуштинский князь Тоян предстает как представитель политической власти в одном из регионов Сибири, он «бил челом ото всех томских людей»[139], являясь их полновластным представителем в Москве. Уже только это говорит о том, что сибирским татарам были известны правила ведения дипломатических переговоров и особенности функционирования русских государственных институтов. Сходство в дипломатическом этикете отразилось в обмене подарками. Данный акт был традиционным для татар и русских со времен Ордынского господства. Это подтверждает валидность аргумента сторонников существования «дорусской» государственности в Сибири о единой евразийской основе государственных институтов как сибирских, так и русского народа[140].

В ходе установления контактов между русскими и коренным населением Сибири происходило заимствование политических, экономических практик и культурных представлений. Его легкость обусловлена знакомством взаимодействующих сторон с ордынской системой управления[141]. Именно наличие общего представления о системе государственного управления позволило достаточно быстро и относительно безболезненно устанавливать власть Москвы не только в притомье, но и над огромными территориями Сибири.

Система управления и сбора налогов в Московском царстве многое восприняла от Золотой Орды, поэтому административное деление производилось по числу выставляемых

---

[138] Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. 1 / Г. Ф. Миллер ; [отв. ред. И. И. Мещанинов] ; Ин-т антропологии, археологии и этнографии АН СССР, Науч. -исслед. ассоциация ин-та народов Севера им. П. Г. Смидовича ГУСМП при СНК СССР. - Москва [и др.] : Издательство Академии наук СССР, 1937. С.23.

[139] Из истории земли Томской, 1604-1917 : (сборник документов и материалов). Вып. 1 / Арх. отд. Том. облисполкома, Гос. арх. Том. обл. ; [редкол.: И. М. Разгон (гл. ред.) и др. ; сост.: А. Н. Жеравина и др.]. - Томск : Западно-Сибирское книжное издательство, Томское отделение, 1978. С. 25.

[140] См. об этом: Зуев А.С. Присоединение Сибири Россией: Ордынское наследие и исторические реалии // Развитие территорий. 2015. №1. С. 92-104.

[141] См. об этом: Зуев А.С. Присоединение Сибири Россией... С. 92-104.

воинов 10, 100, 1000. Это отразили на названия должностных лиц, так «сотский» был главой сельского поселений, «тысяцкий» командовал тысячей, «тьмой» воинов.

Особенностью формирования русской государственности в Сибири было установление власти Москвы не над территориями, а, в первую очередь, над населением, которое могло быть расселено на огромных территориях или находилось в постоянном движении, кочевало[142]. Так, власть русских зависела от количества подданных, вооруженной силы для защиты от набегов неподконтрольных кочевников, объясачивания и удержании местных народов от «шалости», особенно в период Смуты в Московском царстве.

В начале освоения русскими Сибири царские наказы особенно отчетливо проводят принцип установления власти над как можно большим чистом людей для обложения их податями и ясаком. В наказах Бориса Годунова от 1604 года и Василия Шуйского от 1608 года указывается: «И они б сибирские земли всякие люди, и братью и дядью и племя и племянников и друзей отовсюду призывали и волости полнили… и про далние и про новые земли и про волости потому же проведывати... кто ясаки с них емлет или живут особе и много ли в них ясачных людей, да те волости описати…»[143].

Вследствие комплексного характера экономики сибирских народов, включавшей широкий спектр типов хозяйствования от собирательства до металлургии, установление власти именно над населением территорий представляется наиболее рациональным. Сборщики ясака в Сибири не занимались установлением податных единиц, как это было в европейских владениях Московского царства. Происходило формирование «новой», но в тоже время уже известной и русским и аборигенам системы налогообложения. Приход русских сборщиков податей означал смену адресата получения сборов, а не создание новой системы налогообложения в Сибири.

Податная система в Сибири была менее стабильной, чем та, которая использовалась на европейских владениях Московского царства. Так исчезновение податных душ, ясачных людей в результате смерти от болезни, гибели во время набега кочевых племен, переселения, вело к прекращению существования податной волости на административном уровне.

Существование податной системы в «дорусский» период дает основания для подтверждения гипотезы о «дорусском» происхождении государственности в Сибири и о роли фактора взаимодействия и политической близости в достаточно быстром переносе московских политических институтов в Сибирь. Вновь подчеркнем, что возможность конструктивного взаимодействия и постепенного слияния сибирских и русских государственных институтов

---

[142] Шерстова Л. И. Концепция фронтира и освоение русскими Сибири... С. 217.

[143] Цит. по: Пугачев А. Древнейший документ о нашем городе // Томск, март–июнь 1946 года. Томск, 1946. С. 140.; Бояршинова З.Я. Население Томского уезда в первой половине XVII века // Тр. Том.гос. ун-та. Сер. ист.-фил. 1950. Т. 112. С. 63.

была основана на знакомстве обеих сторон с практикой государственного управления во время ордынского господства.

Другой важной чертой формирования русских государственных институтов в Сибири, способствовавшей установлению власти московского царя, стало сходство представлений о власти.

Еще до прихода русских в Сибири существовала система представлений о власти, силе правителя и компонентах, присущих власти сильного правителя. Одним из них была численность подданных. Так, во времена Тюркского, Уйгурского, Кыргызского каганатов и Ордынского господства в Средней Азии сила кочевых государственных формирований определялась численностью подвластного населения, а не площадью контролируемых территорий.

Важными в восприятии силы правителя были его богатство и щедрость. Это показывает «Наказ царя Бориса Годунова Гавриилу Ивановичу Писемскому и Василию Фомичу Тыркову о строительстве Томского города» от 25 марта 1604 г.[144], где предписано, как одеваться для общения с местными князьями: «а самим Гаврилу и Василью быть и служивым людем велети быть в цветном платье»[145]. Следует отметить, что отношение к местным жителям требовалось уважительное, а те, «которые учнут воровати и ясачным людем насильствачинити, и воров от воровства имати и бить батоги, и в тюрьму сажать»[146]. Таким образом, происходила демонстрация богатства Московского царя через его воевод, традиция которой сложилась со времен монгольского господства в Сибири и на Руси.

Еще одной чертой московской политики в Сибири было «мягкое» отношение к новым подданным и особенно к знати покоряемых территорий, что объяснялось невозможностью иметь значительные вооруженные силы для поддержания контроля над уже объясаченными аборигенами и объясачивания новых.

Например, для возведения Томского острога был отправлен лишь небольшой отряд служилых люди из Тобольска, Тюмени, Сургута, Березовки, Пелыма, а также татары и остяки. Во главе отряда были поставлены, как известно из текста Наказа, помощник сургутского воеводы Гавриила Иванович Писемский и боярский сын Василий Фомич Тырков. Формирование отрядов для проведения топографической разведки и строительства острога из различных городов и острогов было обычным в ходе продвижения русских на восток Сибири.

---

[144] Томск в XVII веке : материалы для истории города со вступительной и заключительной статьями прив.-доц. П. М. Головачевой и картой окрестностей Томска конца XVII в. Санкт-Петербург : издание В. А. Горохова, [1911]. С.19-24.

[145] Томск в XVII веке : материалы для истории города... С. 19

[146] Томск в XVII веке : материалы для истории города... С. 21.

Многие строители участвовали в возведении целого ряда острогов, таких как Енисейский, Красноярский, Кузнецкий, и некоторые оставались там на постоянное проживание.

На основе «Разборного списка» 1681 года был составлен список служивых людей 1680 года, утверждавших, что их отцы и деды «присланы были ставить Томской город»[147]. Так, первыми жителями Томска и одновременно его строителями были выходцы из Москвы (стрельцы), Великого Новгорода, Устюга, Соли-Камской, Соли-Вычегодской, Костромы, Галича, Ярославля и др.

Согласно подсчетам З. Я. Бояршиновой, строителями Томска были 26 москвичей и один человек из Лук Великих, из Устюга, Вологды, Галича, Соль Камской, Важского и Яренского уездов – 24 человека, Новгорода – 2 человека и из Костромы, Ярославля – 3 человека. Еще о 34 служилых людях известно, что они прибыли из разных городов Сибири: Сургута (27 чел.), Березова (4 чел.), Тобольска, Верхотурья (1 чел.), Тары (1 чел.). Один из строителей Томска был выходцем из Польши[148]. Возможность продвижения вглубь Сибири и строительство острога столь небольшим отрядом была обусловлена содействием со стороны местной знати и малонаселенностью территорий. Подсчеты З. Я. Бояршиновой, на наш взгляд, подтверждают научную состоятельность концепции «мирного вхождения», а не «завоевания», говорят не о неспособности аборигенов, вследствие низкого уровня развития, самоорганизоваться для вооруженного отпора, а скорее о результатах взаимовыгодного соглашения двух политических субъектов.

В конце XVI в. знать коренных народов Сибири была способна организовать подданных для осуществления крупных строительных работ и военных акций. Например, в строительстве Томска участвовали кодские ханты князя Игичея Алачева. Они выполняли земляные работы и работы по заготовке леса, доставке его к месту строительства. Местом строительства был избрана поднимавшаяся на правом берегу реки гора, которую строители сочли особенно удачной для возведения города. Гора, на которой была заложена крепость, в дальнейшем получила название Воскресенской[149].

Археолог М. П. Черная высказала предположение о том, что южный мыс Воскресенской горы не был первоначальным местом строительства острога[150]. Это положило начало дискуссия о местоположении Томского острога[151].

---

[147] Томск в XVII веке : материалы для истории города... С.25.

[148] Бояршинова З.Я. Основание русского города на Томи (к 375-летиюг.Томска) // Томску 375 лет. Томск, 1979. С. 17-20.

[149] Черная М. П. Были и небыли Томского кремля / М. П. Черная // Вестник Томского государственного университета. 2004. № 281 : Серия "История. Краеведение. Этнология. Археология" С. 71.

[150] Чёрная М.П. Томский кремль середины XVII — XVIII вв.: Проблема реконструкции и исторической интерпретации. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2002. С. 87.

Так или иначе, сложно не согласиться с историком Г. Ф. Миллером, что лучшего места для возведения крепости было не найти. С южной стороны подходы к ней преграждала р. Ушайка, с восточной - располагалась территория с топкой, заболоченной местностью, на западе находился крутой обрыв. С северной стороны естественных преград для подступа к крепости не было, поэтому особое внимание строители уделяли укреплениям именно с этой стороны. Место строительства крепости было выбрано не случайно: в начале XVII в. это была пограничная земля, и вероятность нападения соседей с востока и юга оставалась весьма велика. Кроме того, требовался опорный пункт для дальнейшего освоения Сибири.

Томск был небольшим острогом, его защищенность была основана не столько на надежности возводимых укреплений, сколько на удачном выборе места строительства, где сам ландшафт являлся существенной частью оборонительных сооружений.

Размер острога определялся несколькими показателями: число населения, которое необходимо укрыть в случае опасности за стенами; число защитников, которые будут защищать стены от неприятеля; климатические условия. Под влиянием этих факторов Томская крепость строилась весьма компактной, что отразилось на внутреннем устройстве крепости.

Размеры первой Томской крепости по данным, приведенным Л. С. Романовой[152] на основании «Росписи Томскому городу» 1604 года таковы:

- площадь на плане – 0,25 га;
- периметр стен – 460 м;
- количество башен – 5;
- высота башен – 13 м[153].

Для жителей Сибири не было типичным возведение крупных укреплений. Строительство Томского острога величественного, хорошо укрепленного отражало опасения и желание избежать вооруженных конфликтов с местными лидерами. Острог становился инструментом презентации воеводской власти, с которой выгоднее иметь хорошие отношения, а если бы произошли военные столкновения, то он мог послужить оборонительным рубежом и опорным пунктом военных действий.

Исследователи установили, что все остроги, включая Томский острог, были не только укрепленными пунктами, но и административными центрами, осуществлявшими функции управления, защиты населения и сбора налогов[154].

---

[151] См. об этом: Дмитриенко Н. М. К вопросу о месте основания города Томска / Н. М. Дмитриенко // Вестник Томского государственного университета. История. 2010. № 2 (10). С. 95-108.

[152] Романова Л. С. Здесь начинался Томск. Прошлое, настоящее, будущее / Л. С. Романова ; Том. гос. архитектурно-строит. ун-т. - Томск : Издательство Томского государственного архитектурно-строительного университета, 2004. - 217 с., [9] л. ил.: ил.

[153] Романова Л. С. Здесь начинался Томск/ Прошлое, настоящее, будущее - Томск, 2004. С. 17.

Еще одной особенностью установления русской государственности в Сибири в целом, и в Томске в частности была политика невмешательства или «мягкого вмешательства» во внутреннюю систему жизнедеятельности сибирских народов. Так, князь Тоян получил значительную свободу действий в пределах расселения эуштинских татар. Постепенно сибирская знать получила возможность самостоятельно собирать ясак и доставлять его в места сбора, что позволяло избегать роста недовольства русской властью местными народами и особенно их знатными родами.

Привлечение местной знати на военную службу было характерно для московской политики в Сибири. В евразийской традиции государственность была тесно связана с военным делом, и это был способ институализировать элиту в систему управления. В итоге она из возможного противника превращалась в опору русской власти в регионе. По этому же принципу действовали монгольские ханы, устанавливая свою власть над русскими княжествами.

Само выделение знати, по мнению З. Я. Бояршиновой, является «шагом к образованию государства»[155]. В Сибири, как было установлено ранее, политические образования существовали до прихода русских и аристократия имела развитую систему управления населением контролируемых территорий. С переходом большинства местных элит на промосковские позиции и их подчинения воле московского царя и воеводы на местах, часть знати, пытаясь компенсировать потерю реальной власти, возглавила процесс исламизации тюркоязычного населения. В дальнейшем из ее среды сформировалось мусульманское духовенство, которое продолжило политику укрепления основ ислама среди местного населения[156].

С продвижением русских в Сибирь происходило распространение православной веры. В Томске была построена церковь во имя Живоначальной Троицы в честь Бориса Годунова и сына его Федора, также и сюда по приказу царя был прислан образ Пресвятой Троицы. Церковь стала важнейшим центром общественной жизни русских людей в городе.

Религиозная политика в Сибири, проводимая Московским царством, имела особые черты. Практика невмешательства во внутренние дела подвластных народов распространялось и на их религиозную жизнь. Веротерпимость по отношению к неправославным религиям

---

[154] История Сибири с древнейших времен до наших дней: В 5 т. Л.: Наука, 1968. Т. 2: Сибирь в составе феодальной России. С. 66.

[155] См. об этом: Бояршинова З.Я. Население Западной Сибири до начала русской колонизации. Томск, 1960. С. 103.

[156] Татауров С.Ф. Процессы консолидации сибирских татар до и после присоединения Сибири к России / С.Ф. Татауров // Вестник Томского государственного университета. История. 2016. №5 (43). С. 41.

Сибири объяснялась необходимостью удержать местные народы под властью Москвы, что особенно сложно осуществлялось в годы Смуты.

На основании рассмотренного материала сделаем выводы по главе.

Дискуссия о «дорусской» государственности в сибирской историографии второй половины XX – начала XXI вв. прошла ряд периодов, отражающих основные вехи в развитии отечественной исторической науки в целом.

Основу исследований советского периода во многом составили выводы, сделанные историками Российской империи. В частности это касается положения о цивилизаторской роли русской колонизации Сибири и низком уровне развития аборигенного населения края. Колонизация Сибири рассматривалась через концепцию «завоевания», поэтому признавалось существование государственности и производящего хозяйств. Но европоцентристские взгляды исследователей и представление о мессианской роли православия и Москвы отразились на трактовке доступных источников.

В советский период о «дорусской» Сибири писали немного. Государства Сибири лишь упоминались, их влияние и уровень политического развития существенно принижались. Например, гуннское государство, с которым считался в своей внешней политике даже Китай, названо в «Большой Советской Энциклопедии»[157] племенным объединением. Это объясняется политическими интерпретациями концепции «мирного вхождения» Сибири в состав Московского государства: оно было возможно лишь при отсутствии развитых государственных институтов, способных противостоять продвижению русских. Ряд советских исследователей отрицали даже наличие предпосылок образования государственности в Сибири в «дорусский» период и отмечали господство первобытнообщинного строя. Это стало результатом господства марксистской методологии и идеологического давления на науку, когда труды историков не должны были выходить за дозволенные рамки, что выразилось в доминировании исследований социально-экономической направленности, что наблюдается, например, в трудах С. В. Бахрушина, В. И. Шункова, З. Я. Бояршиновой.

В советский период происходило расширение комплекса источников по истории Сибири, но их интерпретация также зачастую определялась формационным подходом. Однако нельзя сказать, что это имело исключительно отрицательное влияние на советское сибиреведение. В качестве положительного влияния марксистской методологии можно назвать появление большого корпуса работ по социально-экономической и политической истории Сибири.

---

[157] Большая советская энциклопедия. Т. 1 / Гл. ред. О. Ю. Шмидт. - М. : Советская энциклопедия, 1926. - 832 стб.: ил., [27] л. ил., портр. и карт.

Постсоветский период ознаменовался отходом от идеологизированных объяснительных моделей и формированием новых предметных полей, например, связанных с изучением процессов этнополитического развития аборигенного населения, этнического взаимодействия, конфессиональных, политических и ментальных феноменов.

Смена парадигмы дала возможность исследователям применять новые подходы и методологию. Дискуссия изменила свой характер, нормой стал плюрализм подходов историков к рассматриваемым проблемам. Концепции «мирного вхождения» и «завоевания» перестали быть взаимоисключающими, и теперь историки обращаются к ним при рассмотрении отдельных сторон колонизационного процесса. Можно констатировать, что признание государственности и государственных институтов на территории Сибири в «дорусский» период открыло простор для новых исследований.

Глава 2. Дискуссия о сибирском фронтире в сибирской историографии (второй половины XX – начале XXI вв.)

2. 1 Формирование интереса сибирских исследователей к теории фронтира

Со времени сложения первых государств все более актуальным становится изучение понятия «граница»[158]. Граница понималась как линия, показывающая пределы распространения власти правителя или расселения народа. Зачастую границу связывали с системой военных укреплений. В этом понимании граница представляла линию, отделяющую «своих» от «чужих», и становилась источником представлений о «заграничных» территориях и народах как реально или потенциально опасных.

О границе как о широкой зоне соприкосновения цивилизаций, государств, наций первым писал Сыма Цянь. Он описывал Китай, как пресвященное, развитое государство вокруг которого проживают варвары, т.е. нецивилизованные, представляющие опасность для Китая народы. Китаю он отводил культуртрегерскую роль по отношению к внешнему окружению[159]. Сыма Цянь воспринимал границу уже не как тонкую линию, отделяющую одно территориальное или культурное образование от другого, а как широкое пространство контактов между народами, государствами, хотя, с точки зрения китайский историков, цивилизацией является только Китай.

Во время Великих географических открытий происходит закрепление за понятием «граница» более объемного содержания. Если ранее «фронтир» понимался как отделяющая линия, граница государств, то в данный период «фронтир» приобретает все более значение территории культурно-этнического и политического соприкосновения народов.

«И наконец, на протяжении XIX и XX вв. проводится относительно четкое разделение терминов «фронтир» и «граница»»[160]. В 1893 г. американский ученый Ф. Д. Тёрнер опубликовал работу «Значение фронтира в американской истории». Именно Ф. Д. Тёрнер является основоположником концепции фронтира, которая получила развитие в историографии США и других стран, имевших колонии. Ключевым вопросом, который разрабатывал Ф. Д. Тёрнер являлся вопрос о роли фронтира в формировании особой американской цивилизации и

---

[158] См. например: Дюно, Ж.-Ф., Ариньон, Ж.-П. 1982. Понятие «граница» у Прокопия Кесарийского и Константина Багрянородного. // Византийский временник. 1982. Т. 43. С. 64 – 69.

[159] См. об этом: Хазанов А.М. Социальная история скифов: основные проблемы развития древних кочевников евразийских степей / А.М. Хазанов. М., 1975. С. 127.

[160] См. например: Мартьянов Д. С., Мартьянова Н.А. Вестник СГУТиКД, 20 Дискурсивные аспекты этнической идентичности в интернете // Вестник СГУТиКД. 2012. №№ 2 (20). С. 235.

менталитета граждан США[161]. Ф. Д. Тёрнер настаивал на большем значении для американской культуры, государственности особого окружения переселенцев, а не влияния Великобритании[162]. Особое окружение переселенцев – это наличие свободной территории на западе континента, куда двигались колонисты. В ходе продвижения на запад переселенцу приходилось сталкиваться с новой для него природной и культурной средой. В результате европейский колонист, будучи англичанином, немцем, ирландцем по происхождению становился американцем.

Ф. Д. Тёрнер рассматривал феномен фронтира в двух аспектах:

1. фронтир как демографическая ситуация на территории с малой плотностью населения, которая распространяется на запад в ходе освоения новых территорий.

2. фронтир как «процесс встречи, неожиданного столкновения колонизаторов, местного населения и естественной окружающей среды»[163], «точка или момент встречи между дикостью и цивилизацией»[164].

Активное применение достижений американской исторической науки при изучении истории Сибири началось с конца 1980-х гг. Возможность распространения концепта «фронтир» в исследованиях по сибирской истории была обусловлена как значительным сходством процессов колонизации Северной Америки и Сибири, так и изменениями в российской исторической науке.

После распада СССР с исторических исследований был снят груз идеологического давления, произошло существенное изменение внешних для науки обстоятельств. Если ранее большая часть достижений европейской и американской исторической науки объявлялась «буржуазной» и, как следствие, ложной и необъективной и не могла восприниматься в советской науке без критики, то в начале 1990-х гг. стало возможным непредвзятое изучение исторических концепций Запада и использования предложенных зарубежными авторами методов исследования.

Именно эти изменения в отечественной исторической науке объединяют дискуссии о сибирском фронтире и дорусской государственности: обе они вызваны стремлением переосмыслить результаты исследований прошлых лет. Применение новых методов позволило

---

[161] См. об этом: Пелипась М. Я. Опыт использования идеи фронтира в гуманитарных исследованиях ученых Западной Сибири / М. Я. Пелипась // Американские исследования в Сибири. Вып. 8 : материалы Всероссийской научной конференции выпускников Программы Фулбрайта "Американские идеи в гуманитарных исследованиях ученых Сибири", Томск, 12-14 октября 2004 г. Томск, 2005. Вып. 8. С. 17.

[162] Furniss E. Imagining the Frontier: Comparative Perspectives from Canada and Australia. In D. B. Rose & R. Davis (Eds.), Dislocating the Frontier: Essaying the Mystique of the Outback (pp. 23-46). Canberra: ANU E Press. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://epress.anu.edu.au/dft/mobile_devices/ch02.htm\

[163] Тернер Ф. Д. Фронтир в американской истории ... С. 304.

[164] Тернер Ф. Д. Фронтир в американской истории ... С 304.

исследователям начать изучение государственности в Сибири с позиций цивилизационного подхода, переориентировать исследовательский интерес с изучения социально-экономических процессов на культурные, политические и повседневные аспекты жизни разных социальных и этноконфессиональных сообществ Сибири.

Дискуссия о сибирском фронтире стала актуальной несколько позже дискуссии о дорусской государственности и во многом стала её косвенным результатом. Накапливались исторические данные, вводились в научный оборот новые источники, и это стимулировало новые направления исследований. Изучение «сибирского фронтира» стало одним из них.

Еще Ф. Д. Тёрнер писал о возможности применения концепции фронтира к другим, не американским, колонизационным процессам. В частности, он не отрицал возможности ее использования при изучении сибирского опыта колонизации. В 1922 г. Ф. Д. Тёрнер в письме А.Н. Баффингтону писал: «России надо бы иметь интерпретацию собственного фронтира»[165].

Таким образом, сходство в процессах колонизации Сибири и Северной Америки могло интерпретироваться как сохранение разработанного ещё теоретиками формационного подхода, положения о единстве путей развития общества. Это послужило мостом между советской и западной историческими наукам, обеспечило возникновение интереса к идеям Ф. Д. Тёрнера советской исторической науки и формирование центров по изучению сибирской истории в США.

Так уже в 40–50-х годах XX в Калифорнийском университете понятие «фронтир» все чаще использовалось применительно к исследованиям сибирского опыта колонизации. В обоснование существования «сибирского фронтира» историки Калифорнийского университета Б. Самнер и Д. Тредгольд приводили свидетельства, говорившие о специфических чертах русский колонистов. По их мнению, они были более предприимчивы, чем аборигены и жители европейской части Московского царства и в ходе смешения коренным населением сформировали специфический этнос[166].

Причиной быстрой переориентации постсоветского сибиреведения на изучение феномена «границы» исследователи считают отсутствие в трудах Ф. Д. Тёрнера четко определенной теории и жесткой привязки к американскому социально-культурному ареалу. Например, отмечается, что в концепции «фронтира» «была идея» характеризовавшаяся

---

[165] Цит. По: Андреева А. А. «фронтир» как культурно-историческая категория // Вестник Майкопского государственного технологического университета. . Майкоп: 2014. С. 41-45.

[166] Хромых А. С. Русская колонизация Сибири последней трети XVI - первой четверти XVII века в свете теории фронтира : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук : 07.00.02. - Томск : [б. и.], 2008. С. 9.

существенной долей неопределённости, неким общим подходом к процессу колонизации, освоения территорий[167].

В такой «неопределенности» нет ничего парадоксального, так как в английском языке термин «фронтир» представляется еще более размытым. При изучении обозначений границы в английском языке используются следующие термины:

1. border – определяет границу как географическое, политическое понятие, может выражать физическую демаркацию;

2. boundary – также как и border обозначает ограничение чего либо, но если border описывает только физические границы, то boundary физические, философские, духовные;

3. borderland – обозначает пограничную территорию, которая соединяет две и более области[168].

Имеются и другие схожие по значению термины: frontier, limit, bound.

В Сибири впервые начали разрабатывать концепцию «сибирского фронтира» историки Томского государственного университета. Инициатором разработки этого направления стал М. Я. Пелипась. В начале 1990-х под его редакций выходит сборник статей «Американские исследования в Сибири», в котором российские историки — американисты, обращались к известным им ранее работам зарубежных коллег. Они отмечают сходство сибирского и американского фронтиров и доказывают возможность применения концепции «фронтира» при изучении региональной истории[169]. Это был первый этап рецепции восприятия концепции «фронтир» отечественными историками: хотя многие работы носили еще ознакомительных характер, но они заложили основы для дальнейших исследований.

Значительный вклад расширение познавательных возможностей теории фронтира внесли Д. Я. Резун, В. А. Ламин, Т. С. Мамсик, М. В. Шиловский, которые первыми провели углубленный исторический анализ процесса освоения западных территорий Северной Америки

---

[167] См. об этом: Пелипась М. Я. Опыт использования идеи фронтира в гуманитарных исследованиях ученых Западной Сибири / М. Я. Пелипась // Американские исследования в Сибири. Вып. 8 : материалы Всероссийской научной конференции выпускников Программы Фулбрайта "Американские идеи в гуманитарных исследованиях ученых Сибири", Томск, 12-14 октября 2004 г. Томск, 2005. Вып. 8. С. 15-24.; Румянцев В. П. Использование теории фронтира в сравнительно-исторических исследованиях: итоги и перспективы / В. П. Румянцев, Е. В. Хахалкина // "Славянский мир" Сибири: новые подходы в изучении процессов освоения Северной Азии. Томск, 2009. С. С. 107.

[168] См. об этом: Панарина Д.С. Граница и фронтир как фактор развития региона и/или страны. // История и современность. № 1 (21). Волгоград: Изд-во "Учитель", 2015. С. 15-41.

[169] Американские исследования в Сибири : Материалы научных чтений 6-7 февраля 1995 / Отв. ред. М. Я. Пелипась; Том. гос. ун-т, Сиб. ассоциация американистов. Барнаул Томск, 1995. - 71 с. URL: http://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Repository/vtls:000009916

и территорий Сибири[170]. Результатом этого стала разработка определения «фронтир» применительно к сибирским реалиям. Например, Д. Я. Резун предложил рассматривать его как «создание цепи или отдельных быстро сооружаемых и легковооруженных военных пунктов»[171]. Говоря о фронтире как о ряде материальных объектов, он подчеркивал, что эти военные пункты, поселения всегда находились на территории пограничья. Это позволяет рассматривать феномен фронтира не только через материальные объекты, но и как психологическое состояние, которое может быть универсальным для любой пограничной зоны.

Так, благодаря исследованиям Д. Я. Резуна, В. А. Ламина, Т. С. Мамсик, М. В. Шиловского был осуществлен переход отечественной историографии от этапа «ознакомительного» к этапу «адаптационному». Это положило начало разработке на основе сравнительных методов отечественной интерпретации «фронтира», о которой говорил еще Ф. Д. Тёрнер[172].

Примененный новосибирскими историками компаративный метод позволил установить множество различий в сибирском и американском фронтирах.

Так, «первые строители "Града Господня на холме" миновали эпоху книгопечатания, Реформации, Возрождения и подступили к Просвещению»[173]. В то же время общество Московского царства, «когда оно подступило к освоению Сибири ничего подобного еще не знало: не было за спиной ни эпохи книгопечатания, какой ее знала Западная Европа, ни Реформации, ни Возрождения (недаром Д. С. Лихачев применял другой термин — "Предвозрождение") и Просвещение еще даже не "маячило" на горизонте. Товарно-денежные капиталистические отношения имели еще такой смутный вид, что до сих пор большая часть отечественных историков со скептицизмом воспринимают идею о развитии буржуазных отношений в Сибири XVII в. В таком состоянии трудно говорить об одной направленности векторов развития фронтира в Америке и порубежья в Сибири»[174].

Применение к освоению Сибири концепции «фронтира» объясняется авторами приобщением российской исторической науки к мировому опыту и «новациям западноевропейской исторической мысли»[175], которые стали доступны российским историкам

---

[170] Фронтир в истории Сибири и Северной Америки в XVII-XX вв. : общее и особенное : [Сборник статей] / Д. Я. Резун, В. А. Ламин, Т. С. Мамсик, М. В. Шиловский; Ин-т истории Сиб. отд-нияРос.акад. наук. Новосибирск , 2001. 113 с.

[171] Резун Д.Я. Быть тут острогу и слободе // Родина. 2000. № 5. С. 76–78.

[172] См. об этом: Андреева А. А. «Фронтир» как культурно-историческая категория // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2014. №3. С. 41-45.

[173] Резун Д.Я. Быть тут острогу и слободе ... С. 5 - 6.

[174] Резун Д.Я. Быть тут острогу и слободе... С. 6.

[175] Фронтир в истории Сибири и Северной Америки в XVII-XX вв. : общее и особенное : [Сборник статей] / Д. Я. Резун, В. А. Ламин, Т. С. Мамсик, М. В. Шиловский; Ин-т истории Сиб. отд-нияРос.акад. наук. Новосибирск, 2001. С. 4.

после ослабления, позже полного спада идеологического и политического давления на российскую науку. Это предопределило понимание фронтира не как точки на географической карте или конкретной территории, а как социокультурного явления, связанного «с состоянием общества»[176]. Подобное состояние общества по мнению исследователей, было характерно для многих народов, государств, которые осваивали большие территории и преодолевали связанные с этим трудности.

Таким образом, авторы доказывали универсальность фронтира для колонизующих обществ, что позволяло им использовать саму концепцию в ходе исследований сибирских реалий. Однако дискуссионным оставался вопрос о хронологических рамках фронтира. Так по мнению Д. Я. Резуна и М. В. Шиловского, о явлении фронтира можно говорить лишь после массового переселения русских в Сибирь в конце XIX – начале XX вв.[177]

В 2009 году была опубликована статья В. П. Румянцева, Е. В. Хахалкиной «Использование теории фронтира в сравнительно-исторических исследованиях: итоги и перспективы»[178]. Исследователи отмечают, что еще Ф. Д. Тернер, говоря об Америке, утверждал, что «окружающая среда фронтира содействовала формированию таких качеств поселенцев, как индивидуализм, находчивость, самодостаточность, приверженность демократическим ценностям»[179]. Однако климатическое и географическое различие между территориями Сибири и Северной Америки велико, это особенно касается северной части Сибири. Тем не менее, сравнение двух ареалов колонизации, по их мнению, демонстрирует больше сходных моментов, чем отличий.

Эта статья важна еще и тем, что в ней намечены новые направления в развитии концепции сибирского фронтира: «фронтир ссыльных», «фронтир осужденных», «фронтир беззакония»[180]. Авторы отмечают, что в исследовании вопроса о мотивах начала колонизационного процесса в Сибири и Северной Америке важную роль должны сыграть такие дисциплины как психология, социология. Изучение урбанизации, по мнению В. П. Румянцева и Е. В. Хахалкиной, поможет раскрыть побуждающие мотивы колонизации.

Таким образом, они признают применимость концепции «фронтира» к изучению освоения Сибири, аргументируя это тем, что термин фронтир не имеет исключительно

---

[176] Фронтир в истории Сибири и Северной Америки в XVII-XX вв. : общее и особенное... С. 36.

[177] Резун Д. Я. Сибирь, конец XVI - начало XX века: фронтир в контексте этносоциальных и этнокультурных процессов / Резун Д. Я., Шиловский М, В. ; Рос.акад. наук, Сиб. отд-ние, Объед. ин-т истории, филологии и философии, Ин-т истории. Новосибирск, 2005. 193 с.

[178] Румянцев В.П., Хахалкина Е.В. Использование теории фронтира в сравнительно-исторических исследованиях: итоги и перспективы... С. 106–125.

[179] Румянцев В.П., Хахалкина Е.В. Использование теории фронтира... С. 112.

[180] Румянцев В.П., Хахалкина Е.В. Использование теории фронтира... С. 116.

американскую интерпретацию и, следовательно, может быть продуктивен в исследовании Сибири.

Особо следует отметить вклад новосибирской исследовательницы Т. С. Мамсик в развитии теории фронтира. В работе «Радикальный протестантизм и русский раскол в контексте мировых реформационных процессов эпохи Великих переселений»[181] она пишет о фронтире как о территории, где более успешно распространялись радикальные ответвления протестантизма. По её мнению, сибирским переселенцам, тоже была близка идея церкви без священства, и это обеспечило приток сюда представителей оппозиционных конфессий[182].

Большее распространение старообрядчества в Сибири, как и отмеченная Т. С. Мамсик близость сибирским переселенцам идеи церкви без священства, можно объяснять меньшим влиянием на территории сибирского фронтира православной церкви и ситуативным исполнением законов Московского царства. Проживание русских среди сибирских аборигенов вело к явлению аккультурации, что имело выражение и в религиозном аспекте. Переселенцы становились всё более терпимыми к разным религиозным течениям.

Гипотезу о существовании «религиозного фронтира» выдвигает А. В. Васильева[183]. Религиозный фронтир понимается ею как «зона особых социальных условий, а не граница территории, находящейся под юрисдикцией государства, и уж тем более не граница территории, разведанной его жителями»[184]. Религиозные особенности населения осваиваемой территории могут объясняться теми же причинами, что и близость сибирским переселенцам идеи церкви без священства, распространение в их среде радикальных ответвлений протестантизма и старообрядческих вероучений.

Т. С. Мамсик, А. В. Васильева и др. рассматривают фронтир, в первую очередь, как психологическое, мировоззренческое явление, характерное для ситуации колонизации территорий, местное население которой не было объединено конфессионально. Данное понимание фронтира делает его еще более универсальным явлением мировой истории, так как понимание фронтира как субъективной категории открывает новые перспективы для исследования. В частности, ставит вопрос о том, было ли распространение протестантизма и его радикальных течений в Северной Америке связано с теми же причинами, что и

---

[181] Мамсик Т.С. Радикальный протестантизм и русский раскол в контексте мировых реформационных процессов эпохи Великих переселений // Фронтир в истории Сибири и Северной Америки в XVII–XX вв.: общее и особенное. Новосибирск, 2001. С. 127.

[182] Мамсик Т.С. Радикальный протестантизм и русский раскол... С. 64.

[183] Васильева А.В. Социокультурный облик православного духовенства в Западной Сибири в конце XIX – начале XX в. :автореф. дис. канд. ист. наук. Омск, 2015. С. 9.

[184] Замятина (Белаш) Н.Ю. Зона освоения (фронтир) и её образ в американской и русской // Общественные науки и современность. 1998. № 5. С. 76

сознательный или вынужденный отказ русских колонистов Сибири от принятого на государственном уровне православия.

Таким образом, в советский период, характеризовавшийся господством марксистской методологии и формационного подхода, большая часть достижений европейской и американской историографий рассматривались как «буржуазные» и, следовательно, ложные, непригодные для советского общества и науки. Концепция фронтира не стала исключением, даже само понятие «фронтир» заменялось «порубежьем». Но после распада СССР исчезло идеологическое давление на отечественную историческую науку, что привело к активизации исследования освоения Сибири на основании понятия «граница».

Основанием для перенесения концепции Ф. Д. Тёрнера на историю сибирской колонизации стала «общая идея», универсальность без четкой привязки к процессам освоения Северной Америки. Именно «общая идея» стала важным доводом сторонников применения концепта «фронтир». В числе используемых ими аргументов и подходов находятся обоснование сходства процессов американской и сибирской колонизация по хронологическим рамкам, обширность осваиваемых территорий, наличие не только конфликтов, но и мирных контактов переселенцев с аборигенами, большая религиозная свобода, чем в метрополии.

2.2 Становление критического отношения к теории «фронтира» и возможностям ее применения при анализе сибирской истории

В соответствии с хронологическими рамками исследования выделим два периода в развитии историографии, критикующей применение концепта «фронтир» к истории Сибири и оспаривающей существование фронтирной ситуации в Сибири.

Советский период (1950-1990 гг.) характеризуется негативным отношением советских ученых-сибириеведов к концепции Ф. Д. Тернера. Поэтому сам термин «фронтир» редко использовался и заменялся термином «порубежье», «подвижная граница», т. к. «фронтир – плохо, русское порубежье – хорошо»[185].

Первые критические работы появились в 1950-е г., после окончания Великой Отечественной войны, когда стабилизация ситуации в стране позволила исследователям продолжить изучение истории Сибири. В данный период было подвергнуто критическому анализу положение Ф. Д. Тернера о ключевом значении для истории США наличия «свободных земель». Если Ф. Д. Тернер считал, что большее значение в формировании американского общества играли природные и климатические особенности американского континента и

[185] Фронтир в истории Сибири и Северной Америки в XVII-XX вв. : общее и особенное : [Сборник статей] / Д. Я. Резун, В. А. Ламин, Т. С. Мамсик, М. В. Шиловский; Ин-т истории Сиб. отд-нияРос.акад. наук. Новосибирск, 2001.Вып. 1. С. 3.

столкновения с аборигенами, то советские учение отстаивали превалирующее влияние классовых отношений на социальное развитие.

Так, А. В. Ефимов, один из первых критиков теории «фронтира», доказывавший невозможность возникновения в Сибири фронтирной ситуации, писал: «Идеи социализма, уничтожения частной собственности на средства производства с трудом проникали в среду рабочих, так как в этой стране каждый рабочий мог, хотя и ценой больших жертв и лишений, приобрести в собственность участок земли. Если бы не было этого земельного ресурса, замкнутое в своих прежних территориях рабство неизбежно было бы обречено на уничтожение в течение каких-нибудь 15 лет»[186]. По его мнению, наличие «свободных земель», которые давали шанс американским рабочим улучшить свое положение, оказывало негативное влияние на социальную систему в целом, поскольку отдаляло социалистическую революцию.

Другим критикуемым советской историографией положением Ф. Д. Тернера было само понятие «свободные земли». Отмечалось, особенно А. В. Ефимовым, что американские территории были перенаселены аборигенными народами[187]. Соответственно, освоение и колонизация американского материка превращается в истребление огромного количества местного населения и оттеснения их колонистами-переселенцами все дальше на запад.

В это время в советской историографии преобладала теория «освоения» Сибири. Считалось, что первобытнообщинный строй сибирских народов обеспечил их «мирное вхождение» в состав Московского царства[188]. Отсутствие государственности и, как следствие, более отсталый уровень развития общества аборигенов Сибири позволял более «цивилизованным» русским в большинстве случаев ненасильственно включать аборигенов в свое государство и облагать ясаком.

Подход А. В. Ефимова демонстрирует связь дискуссии о дорусской государственности с дискуссией о сибирском фронтире. Автор, придерживаясь концепции «мирного вхождения» Сибири в состав Московского царства, отрицает как наличие развитой государственности у аборигенов, так и возможность применения концепции «фронтира» к сибирской истории.

А. В. Ефимов помимо всего прочего обвинял Ф. Д. Тернера в отсутствии интернационалистических взглядах и даже расизме. Но это является лишь публицистическим ходом, имеющим мало общего с взглядами американского ученого. Отметим, что в работах Ф. Д. Тернера нет суждений, позволяющих говорить о расизме автора. Вывод А. В. Ефимова о том,

---

[186] Ефимов А. В. «Свободные земли» Америки и историческая концепция Ф. Д. Тёрнера // Из истории общественных движений и международных отношений. М., 1957. С. 555.

[187] Ефимов А. В. «Свободные земли» Америки... С. 553; Болховитинов Н. Н. О роли «подвижной границы» в истории США // Вопр. истории. 1962. № 9. С. 59.

[188] Кызласов Л. Р. Письменные известия о древних городах Сибири. М., 1992.С. 5.

что он считал американских аборигенов «низшей расой, обреченной на уничтожение белыми»[189], не имеет под собой основания.

Критику положений Ф. Д. Тернера продолжил Н. Н. Болховитинов, подвергший критике идею «предохранительного клапана».

По мысли Ф. Д. Тернера, «свободные земли» на западе Америки позволяли переселенцам «как бы ни складывались социальные отношения на Востоке, как бы ни стремился капитал оказать давление на труд, какие бы политические ограничения не препятствовали свободе масс, – имелись широкие ворота для бегства в свободные условия свободных земель»[190]. У них всегда была возможность покинуть восток американского континента, где социально-экономическая ситуация не сулила желанных переселенцами перспектив и отправиться покорять западные земли. Этот «предохранительный клапан» должен был открываться во время кризисных ситуаций в формирующемся американском обществе. Но изучив данные о продаже территорий на западе Америки, Н. Н. Болховитинов пришел к выводу, что во время кризиса 1815–1860 гг. площадь проданных земель достаточно резко падает[191].

Отмечая этот парадокс Н. Н. Болховитинов объясняет его тем, что переселение на новые территории, их хозяйственное освоения и жизнь в условиях постоянной угрозы со стороны индейского населения требовали немалых затрат[192]. Поэтому в кризисные ситуации, когда объем ресурсов, доступных для продвижения на запад, сокращался и следовательно, число переселенцев падало. Это заставило Н. Н. Болховитинова сомневаться в научной состоятельности идеи «предохранительного клапана» Ф. Д. Тернера в целом.

Развивая идеи Н. Н. Болховитинова отечественный историк Е. Ф. Шмурло хотя и детально не рассматривал концепцию «фронтира», но присоединялся к его трактовке как политического явления. Так он показывал, что при изучении начального этапа освоения Зауралья важно учитывать следующее: на рубеже XVI – XVII вв. приходится экономический кризис, ставший следствием правления Ивана IV Грозного и неурожайных годов 1601–1603 гг., и если толковать идею «предохранительного клапана» в политическом смысле, то она соответствует фактическим данным об истории освоения Сибири: начало освоения региона и

---

[189] Ефимов А. В. «Свободные земли» Америки... С. 552.

[190] Turner F. J. The frontier in American history.N.Y., 1931. С. 259.

[191] Болховитинов Н. Н. О механизме действия «предохранительного клапана» в истории США // Новая и новейшая история. 1970. № 4.. С. 23—35.

[192] Болховитинов Н. Н. Западные земли и развитие капитализма // Болховитинов Н. Н. США: проблемы истории и современная историография. М., 1980. С. 324.

переселение приходятся на период политического кризиса, когда произошел «подрыв уважения к власти и закону»[193].

Перечислим основные положения, которые критиковали советские историки.

Во-первых, главным недостатком концепции «фронтира» или, как ее называли в СССР, «подвижной границы» было отсутствие явного признания классовых противоречий среди переселенцев и классовой борьбы как важнейшего двигателя развития общества к коммунизму. С данных позиций критиковались многие достижения «буржуазной» историографии. Во-вторых, как методологически некорректное оценивалось положение Ф. Д. Тернера об экспансионистском распространении фронтира, т.е. распространении капиталистических отношений «вширь». Советские историки считали, что длительное существование рабовладения и плантационного хозяйства на юге происходило, прежде всего, под влиянием распространения капиталистических отношений «вглубь». Третье положение о «предохранительном клапане» не выдержало, по оценке советских историков, проверки фактами, т.к. во время кризисов число переселенцев на запад Америки сокращалось. Но следует отметить, что для процессов освоения Сибири оно как раз подтверждается фактами.

Таким образом, в советский период в историографии сложилось негативное отношение к концепции «фронтира» и, как следствие, к возможности объяснить с ее помощью историю освоения не только Сибири, но и Северной Америки. Но в тоже время критика советскими историками концепции «фронтира» стала важным стимулом для развития сопоставительных исследований процессов американской и сибирской колонизаций, в результате которых была установлены корреляция между политическим и экономическим кризисом в метрополии и численностью переселенцев на периферии. Именно критический подход к различным трактовкам и подходам часто становился отправной точкой для формирования новых идей и гипотез в науке. Например, критика идеи развития человечества по единому пути через такие этапы, как первобытно-общинный строй, рабовладельческий строй, феодализм, капитализм, коммунизм, привела к фокусированию интереса исследователей на истории отдельных народов и территорий и стремлению подтвердить или опровергнуть это положение. Итогом этого стало признание плюрализма путей развития цивилизаций.

Следующим этапом в рецепции и осмыслении отечественной историографией концепции «фронтира» стали 1990-е гг. В это десятилетие хотя и произошел отход от определяющего положения в науке экономического фактора и классовой борьбы, но отрицательные оценки этой концепции сохранялись.

---

[193] Шмурло. Е.Ф.История России IX-XX века. Москва, 2005. С. 155.

Сложность применения концепции «фронтира» при изучении истории освоения Сибири отмечает А. А. Храмков в своей работе «Очерки истории крестьянства Сибири начала XX в»[194]. Ученый пишет об отличиях концепции «фронтира» Ф. Д. Тернера и уже в XX в. сложившихся научных подходов, которые часто были обусловлены языковыми различиями: в английском языке отсутствовал семантический аналог термина «освоение». В совокупности, эти моменты ставят исследователей «перед неодинаковыми задачами и кругом проблем в изучении фронтира» и вызывают терминологическую расплывчатость[195]. Так, «фронтир» в трактовке Ф. Д. Тернера носит линейный характер и является «очерченной границей завоевания»[196]. Подобной очерченной границы в сибирском освоении не наблюдалось, имели место даже оставшиеся далеко в «тылу» колонизаторского процесса территории. Именно линейность американского фронтира, в отличие от «сибирского порубежья», по мнению А. А. Храмкова, не позволяет применять эту концепцию к сибирскому материалу.

Отличительные черты, отмеченные А. А. Храмковым и другими исследователями, позволяют говорить о значительной сложности в применении концепции «фронтира» в трактовке Ф. Д. Тернера к освоению Сибири. Но в тоже время, как было сказано ранее, концепция «фронтира» не является строгой даже в изложении ее автора, который говорил о необходимости создания концепции российского фронтира. Даже сам А. А. Храмков, отвергая возможность применения концепции фронтира строго в соответствии с положениями фронтира Ф. Д. Тернера, пишет: «теория сибирского фронтира не может отвергаться»[197].

Такая двойственность в отношении этой объяснительной модели привела к тому, что ее рецепция в постперестроечный период началась не с разработки вопроса о сходстве сибирского и американского фронтиров, а с поиска их различий[198].

Так, И. М. Супоницкая полагает, что «российская колонизация, – экстенсивная, проводимая государством, – представляла движение вширь без качественного преобразования

---

[194] Храмков А. А. Очерки истории крестьянства Сибири начала XX в. : монография / А. А. Храмков ; Алт. гос. ун-т, Центр изучения реформ П. А. Столыпина. Барнаул : Издательство Алтайского университета, 2014. 326 с.

[195] Храмков А. А. Очерки истории крестьянства Сибири начала XX в.... С. 223.

[196] Федоров Р.Ю. Освоение Сибири как проблема географии культуры. Вестник Тюменского государственного университета №3/2007. С. 229-234.

[197] Храмков А. А. Очерки истории крестьянства Сибири начала XX в.... С. 232.

[198] См. например: Шерстова Л. И. Концепция фронтира и освоение русскими Сибири / Л. И. Шерстова // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 426. С. 217-222. ; Фронтир в истории Сибири и Северной Америки в XVII-XX вв. : общее и особенное : [Сборник статей] / Д. Я. Резун, В. А. Ламин, Т. С. Мамсик, М. В. Шиловский; Ин-т истории Сиб. отд-нияРос.акад. наук. Новосибирск., 2001. 113 с..

пространства. Она замедлила модернизацию России. В отличие от русской, интенсивная американская колонизация стимулировала экономические и социальные движения США»[199].

Важным в отрицании применения концепции «фронтира» является несоответствие еще одному из положений Ф. Д. Тернера, а именно фронтир как «точка или момент встречи между дикостью и цивилизацией»[200]. В Сибири цивилизация существовала с древних времен и имела тесные связи с государствами Средней Азии, Европы и Дальнего Востока. Существовала разнообразная и достаточно развитая письменность. К приходу русских в Сибирь местные народы уже были знакомы с даннической системой и имели вооруженные силы. Таким образом, неверным будет относить все народы, населявшие Сибирь, к периоду «дикости».

Одна из последних работ, в которой доказывается неспособность концепции «фронтира» выступить теоретической основой для изучения процессов колонизации, принадлежит томскому этнографу Л. И. Шерстовой[201]. В статье «Концепция фронтира и освоение русскими Сибири» она указывала на сохранение на современном этапе ситуации обращения к достижениям западной науки, но с разной оценкой его результатов.

Примером последнего, по ее мнению, как раз является интерес российских историков к идеям Ф. Д. Тернера. Например, Л. И. Шерстова подчеркивает, что возможность переноса теорий, описывающих исторические явления в одном историческом ареале на другой, можно связать с методологическим подходом эволюционизма и, в значительной мере, формационным подходом. Сохранение и значительное влияние на российскую историографию эволюционизма и формационного подхода может объясняться их безусловным превалированием в советской исторической науке.

Л. И. Шерстова отмечает европоцентристский взгляд многих исследователей истории Сибири[202], что позволяет им вслед за Ф. Д. Тернером рассматривать столкновение колонизаторов и аборигенов как «точку или момент встречи между дикостью и цивилизацией»[203] и оценивать «цивилизации» (иначе: европейскую культуру) как прогрессивное явление не только для колонизаторов, но и аборигенов. Л. И. Шерстова считает, что «такой взгляд на заселение европейскими переселенцами базировался как на их убеждении

---

[199] Супоницкая И. М. Колонизация земель: Сибирь и американский Запад (вторая половина XIX в.) / И. М. Супоницкая // Одиссей: Человек в истории. М., 1989. С. 237

[200] Тернер Ф. Д. Фронтир в американской истории... 303 с.

[201] Шерстова Л. И. Концепция фронтира и освоение русскими Сибири ... С. 217-222.

[202] См об этом: Бурстин Д. Американцы: колониальный опыт : пер. с англ. / Дэниел Бурстин ; Москва : Прогресс-Литера, 1993. С. 189-199.

[203] Тернер Ф. Д. Фронтир в американской истории... 303 с.

о превосходстве собственной культуры, так и на эволюционистском взгляде западных исследователей на развитие человечества»[204].

Отметим, что наиболее ярким представителем эволюционистского подхода в советской исторической науке был В. И. Шунков, отрицавший наличие государственности, цивилизации и даже производящего хозяйства у сибирских народов. Русские колонизаторы рассматривались им как носители прогресса, приобщавшие аборигенов к русской культуре и цивилизации.

Л. И. Шерстова утверждает, что европейские переселенцы в Северной Америке однозначно определяли «своих», т.е. европейцев как этнически, так и культурно. «Чужие», т.е. аборигенное население, вытеснялось все дальше на запад континента, на менее пригодные для жизни территории. Совместное проживание европейцев и американских индейцев, как правило, не практиковалось. Очевидно противопоставление дикости и цивилизации имело место в сознании европейцев того времени. Цивилизацией считалась европейская культура, дикостью культура аборигенов. Основываясь на вышеприведенном противопоставлении, Л. И. Шерстова ставит вопрос: «могло ли такое убеждение существовать у русских первопоселенцев при их соприкосновении с культурой сибирских народов»[205]. Доказывая, что в сознании русских переселенцев противопоставления культур отсутствовало, Л. И. Шерстова приводит ряд аргументов:

Во-первых, «русские в XVII в. не были знакомы с европейскими учениями о стадиальности развития человечества»[206]. Сибирские народы имели общее прошлое с русскими во время господства монголо-татар на евразийском континенте, что подтверждается относительной легкостью объясачивания тех народов Сибири, которые ранее были под властью Орды. Но в тоже время те народы, которые не сталкивались с ордынскими властными институтами, оказывали серьезное сопротивление русским колонизаторам. Они отказывались платить ясак, потому что им была незнакома данническая практика, однако это могло порождать у русских служилых людей и переселенцев представления о более высоком уровне развития собственной культуры. Примером могут служить отношения между чукчами и сибирскими колонизаторами: они долго не складывались, чукчи отказывались платить ясак и признавать власть «Белого Царя», нападали на служилых людей [207].

Во-вторых, православие первых русских сибиряков также не воспринималось ими как «культурное» превосходство, так как переоценивать религиозность русских того периода было бы не совсем верным. В подтверждение этого довода Л. И. Шерстова приводит небезызвестную

---

[204] Шерстова Л. И. Концепция фронтира и освоение русскими Сибири... С. 217.

[205] Шерстова Л. И. Концепция фронтира и освоение русскими Сибири... С. 217.

[206] Шерстова Л. И. Концепция фронтира и освоение русскими Сибири... С. 217.

[207] Богораз В. Г. Чукчи : социальная организация / В. Г. Богораз. Изд. 4-е. Москва : Ленанд, 2016. XX, С. 32-79.

грамоту патриарха Филарета к митрополиту Киприану: «В Сибири не носят крестов, не хранят постных дней, живут с некрещеными женами, кумами и сестрами своих жен, при отъезде же закладывают их на срок, и, не имея, чем выкупить, женятся на других»[208]. Активной миссионерской деятельности в Сибири, особенно на начальном этапе, не проводилось. Малые силы, которые Московское государство могло выделить, не могли проводить жесткую политику по отношению к сибирским народам, в том числе это отразилось на деятельности православных иерархов в Сибири.

В-третьих, «европейские идеи стали проникать в русскую элиту вместе с реформами Петра I. Но к этому времени Сибирь уже была «русской», а сама идея фронтира перестала быть актуальной»[209]. Здесь отрицается сам факт наличия «фронтирной ситуации», как ее понимал Ф. Д. Тернер.

В-четвертых, «при освоении Нового Света и Сибири изначально существовала принципиальная разница: если европейцам нужны были земли, то Московской власти в первую очередь важно было распространить свое подданство на местное население»[210]. Это отразилось в совместном проживании русских колонизаторов и местных народов, в том числе и на начальном этапе освоения. В Северной Америке преобладало вытеснение коренного населения колонистами для освобождения территории. Московское царство имело значительно более низкую плотность населения, чем в Западной Европе того времени, и сибирские просторы были нужны для обложения местных народов ясаком. Л. И. Шерстова приводит в пример урянхайцев и телеутов, которые проживали на территории юридически не принадлежавшей Московскому государству, но считались подданными «Белого царя».

Пятый аргумент Л. И. Шерстовой касается активного сотрудничества русских с аристократией местных народов, поскольку, только ««привязав» определенное количество людей к представителям господствующего слоя, можно было легко управлять ими. Этот принцип через ордынцев прочно укрепился в ранней московской государственности»[211]. Русские власти находили сторонников в знати сибирских народов и через выстроенные дружественные отношения с ними, получали ясак с населения территорий.

Шестой аргумент исследовательницы связан с историей алтайских «каменщиков»[212], которые просили местные власти «прежних подушных податей и чтобы приказано им было плату в казну производить зверями»[213]. Удовлетворение этой просьбы приравняло их к

---

[208] Шерстова Л. И. Концепция фронтира и освоение русскими Сибири... С. 217.
[209] Шерстова Л. И. Концепция фронтира и освоение русскими Сибири... С. 217.
[210] Шерстова Л. И. Концепция фронтира и освоение русскими Сибири... С. 217.
[211] Шерстова Л. И. Концепция фронтира и освоение русскими Сибири... С. 218.
[212] Шерстова Л. И. Концепция фронтира и освоение русскими Сибири... С. 220.
[213] Шерстова Л. И. Концепция фронтира и освоение русскими Сибири... С. 220.

«иноверским» народам и означало переход в сословие «ясачных». В сознании русских переселенцев в Сибири не отмечаются ментальная, этническая граница между русскими и местными народами. «Сложно представить, чтобы белый переселенец в Новом Свете не просто отождествил бы себя с индейцем, а согласился принять его статус»[214].

Наконец, последний аргумент Л. И. Шерстовой – «если в Новом Свете фронтир как проявление цивилизации двигался с востока на запад континента, то в Сибири возникавшие в XVII в. русские города, остроги, деревни, «рассыпались» по всей ее территории»[215]. Фронтир в концепции Ф. Д. Тернера носит линейный характер, что осложняет применение концепции фронтира к Сибири, как отмечалось еще А. А. Храмков.

По мнению критиков концепции, в Сибири не было географической изоляции русских и аборигенов и создание укрепленных пунктов происходило на территориях населенных местными народами. Фронтира, как пишет Л. И. Шерстова, «не существовало его в культурных, хозяйственных отношениях, а главное – он отсутствовал на ментальном уровне тех, кто приходил в Сибирь. Культурное, конфессиональное, языковое разнообразие, окружавшее русских в европейской части, мало отличалось от того, с чем они встретились в Сибири»[216].

Итак, к концу 2010-х гг. исследователями сформирован широкий спектр аргументов как «за» так и «против» применения концепции «фронтира» к истории Сибири, но на данный момент эта дискуссия остается не завершенной.

Ключевой причиной этого, на наш взгляд, является следующее: оппоненты оперируют одной и той же источниковой базой, но разница в её интерпретации определяется – насколько точно определяемым они считают термин «фронтир»

Это делает все более актуальным разработку и внесение определенности в понятийный аппарат концепции. Полагаем, что одним из возможных вариантов решения этой проблемы может стать рассмотрение активно используемого понятия «фронтирная ситуация»[217]. Решению этого вопроса посвятим следующий раздел.

2.3 Политическая ссылка в Сибирь конца XVI – начала XVII вв. как пример фронтирной ситуации

---

[214] Шерстова Л. И. Концепция фронтира и освоение русскими Сибири... С 220.

[215] Шерстова Л. И. Концепция фронтира и освоение русскими Сибири... С. 220 - 221.

[216] Шерстова Л. И. Концепция фронтира и освоение русскими Сибири... С. 221.

[217] Якушенков. С. Н. In Frontier We Trust // Журнал Фронтирных Исследований . 2019. №3 (15). С/ 12 - 59). ; Добродум О.В. Культура, религия и политика в эпоху глобальных рисков // Диалог культур в эпоху глобальных рисков: материалы Междунар. науч. конф. и X науч.-теорет. семинара «Инновац. стратегии в соврем. социал. философии», Минск, 17-18 мая 2016 г. В 2 ч. Ч.2. С.339. ; Иванова Л. М. Сибирский фронтир: изучение вопроса в отечественной исторической науке / Л. М. Иванова // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 410. С. 72-76.

Рассматривая политическую ссылку в Сибирь как пример «фронтирной ситуации», необходимо более детально определить это понятие. На сегодняшний день в сибиреведении оно не является четко определенным и часто используется без конкретизации. Автор ВКР предлагает свое определение «фронтирной ситуации» и рассмотрению с его помощью сибирской политической ссылки.

«Фронтирная ситуация» - совокупность сложившихся в условиях «фронтира» обстоятельств, под влиянием которых происходит встраивание переселенцев и аборигенов в новые природные, культурные, политические условия и которые приводят их осознанию самих себя как субъектов «фронтира».

Политическая ссылка в Сибирь на рубеже XVI – XVII вв. не была единой, однообразной и происходящие в этом институте изменения были обусловлены политической нестабильностью Московского царства периода «Смуты». «Фронтирную ситуацию» для конкретных групп политических ссыльных определяли не только их сословный статус, но и политика действующей власти.

Сибирь с самого начала освоения использовалась Российским государством как место ссылки для опальных бояр, совершивших преступление, духовных лиц и служилых и посадских людей, крестьян.

Начало политической ссылки и ссылки в целом историки часто приурочивали к 1593 году. И.В. Щеглов, автор «Хронологического перечня важнейших данных из истории Сибири 1032–1882 гг.»[218], писал: «Начало ссылки в Сибирь: первым из Сибирских городов сделался – Пелым, который и был заселен в этом (1593) году жителями Углича, сосланными сюда за свидетельство по делу об убиении царевича Дмитрия»[219]. Однако эта дата сибирской ссылки была поставлена под сомнение исследованием Я. Г. Солодкина «О начальном этапе сибирской ссылки (конец XVI – начало XVII в.)», где доказывалось, что начало ссылки в Сибирь следует относить к 1587 году[220].

Первые политические ссыльные появились по данным В. И. Корецкого в 1587 году, после разоблачения боярского заговора Борисом Годуновым, возглавляемого князьями Шуйскими.

---

[218] Щеглов И.В. Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири 1032 - 1882 гг. Сургут, 1993, 461 с.

[219] Щеглов И.В. Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири 1032 - 1882 гг.... С. 53.

[220] См. об этом: Солодкин Я.Г. «О начальном этапе сибирской ссылки (конец XVI – начало XVII вв.).// «Мира на узнаешь, не зная края своего». Западная Сибирь: История и современность. Краеведческие записки. Выпуск I. Нижневартовск, 1998. С. 13-28

По данным жалованной грамоты от 11 мая 1624 года сообщается, что отец Лаврентия Березовского «и он з братьею с Москвы в Сибирь»[221] был сослан «не по вине»[222]. На протяжении трех лет находился в сибирской в тюрьме, далее 17 лет «безотступно»[223] «у всяких»[224] государевых дел. Это обстоятельство позволяет говорить о том, что ссылка Березовских в Сибирь была связана с разоблачением боярского заговора в 1587 году.

По данным летописца в 1586-87г. вместе с Шуйскими был схвачен Андрей Быкасов «з братию»[225]. В 1598 г. Юрий, Максим и Фуник Быкасовы несли службу в Тобольске, об этом свидетельствует запись о «Производстве великого розыска» по «Государеву великому делу», о котором извещал пеший казак Олозя Офонасьев, обвинивший служилых людей Юрия, Максима и Фуника Быкасовых (боярские дети), которые 17 июля 106 г. говорили на подворье своем «про государя Бориса Федоровича всея Руси» такие речи: «Кому-де тому сидеть на царстве, кто семена царские перевел: Дмитрия царевича на Угличе велел потребити и государя царя великого князя Федора Ивановича всея Руси велел задушить для того что ему (Борису) на царство сидяти»».[226]

Помимо вышеприведенного в Новгородские записные кабальные книги имеется запись, прямо свидетельствующая о ссылке Быкасовых в Сибирь: «И Иванко прозвище Жданко, сказал: такову есми, господине, служилую кабалу темъ площаднымъ подьячимъ на себя и свою жену въ пяти рублех писати велелъ, и деньги у подьячего у Петра у Лазорева взяли, и за ростъ во дворъ къ нему служити идемъ, а напередъ служивалъ у Ондрея у Быкасова добровольно, и Ондрея Быкасова за опалу государь сослалъ въ Сибирь…»[227]. Данная запись относится к 1595 году, что может говорить о продолжении репрессий в отношении Быкасовых, но с уверенностью говорить об этом не представляется возможным. Так же ссылку Андрея Быкасова С. Б. Веселовский относит к 1595 году[228].

---

[221] Корецкий, В. И. Из истории заселения Сибири накануне и во время «смуты» (конец XVI -начало XVII в.) / В. И. Корецкий // Русское население Поморья и Сибири (Период феодализма) : сб. ст. памяти чл.-корр. АН СССР Виктора Ивановича Шункова. М. : Наука, 1973. С. 38.

[222] Корецкий В.И. Из истории заселения Сибири... С. 38.

[223] Корецкий В.И. Из истории заселения Сибири... С. 38.

[224] Корецкий В.И. Из истории заселения Сибири... С. 39.

[225] Новый летописец // Полное собрание русских летописей. М., 1995. Т. XIV. С. 36-37.

[226] Обозрение столбцов и книг Сибирского приказа (1592 - 1768 гг.): Составил Н.Н. Оглоблин. М., 1901, Ч 4. С.133 – 134.

[227] Новгородские записные кабальные книги 100 - 104 и 111 годов (1591 - 1596 и 1602 - 1603 гг.) / Под ред. проф. А. И. Яковлева. М.; Л., 1938. Ч. 1. Стлб. 24.

[228] Веселовский С. Б. Ономастикон: Древнерусские имена, прозвища и фамилии. М., 1974. С. 59.

Из вышесказанного можно сделать вывод, что на сегодняшний день является доказанным, что первые ссыльные, о которых есть упоминание в источниках, появились с Сибири в 1587 году, после того когда был раскрыт боярский заговор в котором немалую роль играл Иван Шуйский.

Концептуализации термина «фронтирная ситуация» предполагает изучение вопроса, как политические ссыльные воспринимали Сибирь и себя в качестве ее колонизаторов. Здесь необходимо отметить, что новые земли мало интересовали бояр, дворян и крестьян, живших в европейской части страны, вследствие их удаленности, отсутствия инфраструктуры и страха перед неизведанными землями. Дворянство и боярство Московского царства не видели себя колонизаторами новых, потенциально богатых территорий. Концентрируя свои экономические и политические интересы в традиционных местах расселения русского этноса, они препятствовали переселению крестьян в Сибирь, т. к. это могло снизить стоимость их земельных владений и уменьшить их доходность.

Но, несмотря на нежелание знати содействовать колонизации, существовали объективные факторы использования ссылки в качестве инструмента колонизации. Поэтому с самого начала ссылки в Сибирь складывались разные ее типы, которые диктовались местными условиями, причинами «опал» и целями Московского государства в Сибири.

Например, доставка хлеба и прочей провизии была слишком затратной, стоимость ее при перевозе возрастала в несколько раз, причем часть терялась в ходе транспортировки. Это требовало начать хозяйственное освоение Сибири, развития собственного сельского хозяйства и транспортной инфраструктуры в регионе. Вариантом решения этой проблемы стала ссылка крестьян «в пашню».

Аналогично решалась задача формирования административного аппарата, поскольку по своей воле бояре не желали отправляться в удаленный от Москвы регион, не считая административные должности в Сибири престижными. В таком случае ссылка опальной знати стала вполне удачным решением в условиях Смутного времени. Особо отметим, что в конце XVI – начале XVII вв. ссылка «в службу», когда знать обычно занимала должности в воеводском управлении, а казаки и военнопленные становились «служилыми людьми», была наиболее массовой. Следовательно, большая часть прибывавших в зону «сибирского фронтира» ссыльных продолжала те же занятия, что и ранее, но уже в новых условиях. Их «новизна» могла выражаться как в смене климата и рациона питания, так и в изменениях служебных обязанностей и повседневного хозяйствования.

Переселенцы «поневоле» часто рассматривали свое положение как следствие несправедливого наказания. На этой основе складывался образ Сибири как места нежеланного с тяжелыми условиями быта.

Примером такого восприятия является описание региона в «Житии протопопа Аввакума»[229]. Он, человек несгибаемой воли, так описывает свои первые впечатления о Сибири: «Сверху дождь и снег, а на мне на плечах накинуто кафтанишко просто; льет вода по брюху и по спине <…> Горы высокия, дебри непроходимые, утес каменной, яко стена стоит, и поглядеть – заломя голову!»[230]. В этих словах отражены как тяжелые условия «фронтира ссыльных», так и величие, даже подавляющее человека, местной природы ее неподвластность человеку, ее сила и величие.

Политическая ссылка стала одной из основ формирования «негативного» образа региона.

Сибирь становилась в восприятии русского человека «окраиной мира», где живут уголовные и политические преступники[231].

Другой основой «негативного» образа стало «использование Сибири в качестве сырьевого придатка»[232]. Москве нужны были, в первую очередь богатства Сибири пушнина, территории пригодные для сельского хозяйства, ясак.

Значительный вклад в сложение «негативного» образа региона имела ссылка знатных родов, так как на начальном этапе освоения Сибири именно их представители, поддерживая связь со знатью, оставшейся в Москве, оставили большую часть письменных свидетельств восприятия своего положения в новых условиях и самого региона.

Для дальнейшего рассмотрения политической как примера «фронтирной ситуации» необходимо выделить ее основные типы, исходя из сословной принадлежности ссыльных, условий их пребывания в Сибири и причинах опалы.

Есть смысл выделить три типа сибирской политической ссылки: 1. «ссылка в заключение»,2. «почетная ссылка», 3. «политическая ссылка незнатных».

1. Сибирская ссылка Романовых как «ссылка в заключение». После разгрома двора Романовых на Варварке в Сибирь был сослан Иван Никитич Романов с сыном и Василий Никитич Романов. 30 июня 1601 года они были отправлены в г. Пелым. Надзор за ними осуществлял стрелецкий голова Смирнов-Маматов[233].

Условия его пути в Сибирь и дальнейшее содержание весьма подобно изложено в документе «Наказная память приставу при В. Н. Романове сотнику И. Некрасову об условиях

---

[229] Житие протопопа Аввакума, им самим написанное и другие его сочинения / Ред. , вступ. ст. и коммент. Н. К. Гудзия. М., 1934. 492 с..

[230] Тамже. С. 363 – 364.

[231] См. об этом: Дутчак Е. Е. "Русский сибиряк", или Парадоксы региональной идентификации / Е. Е. Дутчак, В. В. Кашпур // Общественные науки и современность. 2013. № 4. С. 116-129.

[232] Дутчак Е. Е. "Русский сибиряк", или Парадоксы региональной идентификации... С. 121

[233] Буссов К. Московская хроника 1584-1613 / АН СССР, Библиотека ; отв. ред. И. И. Смирнов. - Москва Ленинград : Издательство АН СССР, 1961. С. 412.

содержания ссыльного»[234] от 1 июля 1601 г. Сотнику И. Некрасову было особо предписано следить, «чтоб к нему на дороге и на станех никто не приходил, и не розговаривал ни о чем, и грамоты с ним никто не сослался; а кто придет к Василью и учнет о чем розговаривать или принесет какое писмо, и Ивану того человека с писмом поймав прислать или роспрося отписать к государю царю и великому князю Борису Федоровичу всеа Русии, к Москве; а кто доведется до пытки, и тех и пытать и роспрашивать подлинно»[235]. Так, к суровым условия «фронтира» добавлялось изоляция от внешних контактов, что диктовалось политическими опасениями властей.

Строгой изоляции В. Н. Романов с сыном подвергались и во время пребывания в Ярском. Двор был выбран, «чтоб не близко жилецких дворов и дороги бы мимо двор прохожия не было»[236].

Пребывание Романовых в Сибири можно рассматривать как «фронтир заключенных», так как политическая ссылка, суровые условия содержания соединились с пребыванием в непривычных природно-климатических условиях. Это привело к смерти Василия Никитича Романова, лишь после которой условия содержание его брата Ивана были изменены. Если в «Наказной памяти» приставу И. Некрасову предписывалось: «А корму давать с человеком: по колачу да по два хлеба денежных, да в мясные дни по две части говядины да по части боранины, а в рыбные дни по два блюда рыбы, какова где лучится, да квас житной; а на корм послано с ним сто рублев денег»[237], то в «Наказе» приставу С. Ю. Маматову от 8 марта 1602 года уже есть очевидные послабления: «корму Ивану с человеком в постные дни давал бы еси по три блюда рыбы, какова где лучится, а в мясные дни по три ж блюда мяса, а пить давал квас житной»[238]. В том же 1602 году И. Н. Романов был отправлен по приказу царя в свою нижгородскую вотчину, где должен был проживать уже относительно свободно под присмотром «приставов Давыда Жеребцова да Василия Хлопова»[239].

В непродолжительном, но тяжелом пребывании Романовых в Сибири особое значение имело их положение не рядовых политических ссыльных, а возможных претендентов на Московский престол с влиятельными сторонниками.

Романовы не занимали в Сибири почетных должностей и находились под строжайшим надзором местных властей и специально назначенных лиц. Даже после возвращения за И. Н.

---

[234] Буссов К. Московская хроника 1584-1613... С. 412 - 414.
[235] Буссов К. Московская хроника 1584-1613... С. 414.
[236] Буссов К. Московская хроника 1584-1613... С. 416 - 417.
[237] Буссов К. Московская хроника 1584-1613... С. 421.
[238] Буссов К. Московская хроника 1584-1613... С. 425.
[239] Новый летописец // Полное собрание русских летописей. М., 1995. Т. XIV. С. 290.

Романовым осуществлялось наблюдение и контроль, что свидетельствует о сохранении положения заключенного после формального окончания ссылки.

Таким образом, «фронтирная ситуация», сосланных подобно Романовым, не столько за реальные преступления, сколько из опасения политической конкуренции предполагала тяжелые условия содержания под стражей и социальную изоляцию.

2. «Почетная ссылка. Примером этого типа политической ссылки является судьба Ф.И. Шереметева и Е.М. Пушкина, обвиненных по делу Романовых. Они занимали должности первого и второго воеводы в Тобольске.

Информации об их воеводстве в Тобольске сохранилось крайне мало, известно лишь о их деятельности по благоустройству Тобольска и участии в строительстве церкви Святого Николая Чудотворца, на взвозе Пермском[240].

Однако не сомнений, что строгий «присмотр» отсутствовал, о чем говорит отсутствие сведений о контролирующих лицах и высокие посты, дававшие сосланным значительную свободу действий. Именно поэтому В.И. Корецкий назвал данное назначение «почетной ссылкой»[241]. Воеводство в столице Сибири Тобольске и чине главного воеводы предоставляло Ф. И. Шереметеву значительную власть. «Фронтирная ситуация» для Ф.И. Шереметева и Е. М. Пушкина была связана с выполнением административных функций, сродни тем, какие они выполняли до отправки в Сибирь.

Их ссыльное положение сводилось к невозможности вернуться в европейскую часть страны и некоторым репутационным потерям, естественным для попавших в «опалу».

Со сменой власти в Московском царстве и приходом к власти Лжедмитрия I «почетная ссылка» знати продолжилась. Например, «почетными ссыльными» были в этот период Годуновы. Как нельзя лучше свободное положение «почетных» ссыльных в Сибири выражено в требованиях М. М. Годунова и других представителей этого рода «справедливого» назначения на должности в системе сибирского управления. Они были удовлетворены согласно грамоте Лжедмитрия I от 28 января 1606 года, окольничий Н. В. Годунов назначался воеводой в Тобольск вместе с А. И. Вельяминовым, а боярин М. М. Годунов – воеводой в Тюмень. Важно подчеркнуть, что М. М. Годунов должен был занять должность «меньшую», чем его младший брат. Считая это неправильным, М. М. Годунов отправился в Казань с челобитной к боярину С. А. Волосскому и князю М. С. Туренину. Но когда Годуновы прибыли на Верхотурье, они получили новую «роспись с приказом Н. В. Годунову отбыть в Уфу, а на его место, воеводой в

[240] Хронологический обзор церковно-исторических событий Сибири, в 300-летний период ее существования, на основании летописи, принадлежащей библиотеке Тобольской духовной семинарии под № 1655 (ст. кат.) // Тобольские епархиальные ведомости, 1882, № 22, С. 452.

[241] См. об этом: Западная Сибирь: история и современность: краеведческие записки. Вып. II / МУ «БИС», НГПИ. Нижневартовск: ЦГБ, 1999. С. 16.

Тобольск, назначался князь Р. Ф. Троекуров. После этого М. М. Годунов отправился в Москву, где просил разрешения Троекурову не подчиняться. Лжедмитрий I братьям Годуновым «князя Романа указы слушать не велел, и ко князю Роману о указаных делех не писать, а образаться в Москву»[242]. Тем самым Годуновы оставались на весьма высоких и ответственных постах, получали независимость от Р. Ф. Троекурова, но были в то же время далеки от Москвы и не имели возможности участвовать в государственном управлении.

Лжедмитрий I вел «мягкую» политику по отношению к знатным родам, поэтому даже за политическими конкурентами здесь не было столь строгого надзора как в предшествующее правление самих Годуновых.

Положение Годуновых как «почетных ссыльных» вело к усилению их влияния на административный, военный аппарат местной власти, куда они привлекали своих родственников и сторонников. По имеющимся данным в Сибири начала XVII в. целый ряд представителей рода Годуновых занимали различные посты в местном управлении. В основном это были крупные города и важные укрепленные пункты такие, как Тюмень, Верхотурье, Тара[243].

Рост авторитета Годуновых в Сибири тревожил многих. Например, князь Роман Троекуров упрекал воеводу Пелыма И. М. Годунова и Михаила Алачева в несвоевременном сообщении в Тобольск о волнениях в Кондинской и Назымской волостях, что нашло отражение в «Отписке тобольского воеводы князя Романа Троекурова пелымскому воеводе Ивану Годунову о шалости в Кондинской и Назымской волостях и о мерах и подавлению движения среди остяков»[244]. Отношения между Годуновыми и Троекуровым были натянутыми еще со времени получение «независимости» М. М. Годунова от князя Романа Троекурова[245].

Таким образом, Ф. И. Шереметев, Е. М. Пушкин и род Годуновых, занимая ключевые должности в сибирском управлении, активно включались в управление дальнейшим процессом освоения Сибири. Города и остроги, в которых они служили, стали основными опорными пунктами для дальнейшего освоения региона. Новые для них условия вынуждали их встраиваться во «фронтирные» отношения, что формировало для них особую «фронтирную ситуацию», а сами «почетные ссыльные» становились важными акторами колонизации.

3. Политическая ссылка незнатных. Одними из первых незнатных политических ссыльных были посадские люди г. Углич. Их ссылка в Сибирь была следствием гибели

---

[242] Солодкин Я. Г. Сибирская ссылка Годуновых в начале XVII в. // Вопросы истории. 2015. № 9. С. 128.

[243] Белокуров С.А. Разрядные записи за Смутное время (7113-7121 гг.). М., 1907.С. 95, 122, 326.

[244] Цит. по: Миллер Г.Ф. История Сибири. Том 2. М., 1937. С. 193 - 194.

[245] См. Об этом: Солодкин Я. Г. Сибирская ссылка Годуновых в начале XVII в. // Вопросы истории. 2015. № 9. С. 128.

царевича Дмитрия, сына Ивана Грозного и расправой властей с «бунтовщиками», причастными к убийствам государева дьяка М. Битяговского.

Угличане были лишены собственности и подвергались пыткам, а после были сосланы в Пелым[246]. Как и большинство крестьян и посадских жителей они были сосланы «в пашню», что диктовалось задачами сельскохозяйственного освоения региона. В 1623 году в своей челобитной угличане утверждали, что «в Сибирь было сослано 60 семей. Половину из них определили в пашенные крестьяне, остальных могли зачислить в казаки и стрельцы»[247]. В условиях «фронтирной ситуации» сословная принадлежность становилась менее определенной, менее обязательной, а большое значение приобретала самоидентификация и веление местных властей. Это характерно, прежде всего, для незнатных ссыльных, так как «сосланные в заключение» не имели выбора, а «почетные ссыльные» естественным образом оказывались на привычных для себя должностях.

В Сибири отсутствовало распространенное в Европейской России, крепостное право, что давало преимущества незнатным переселенцам перед оставшимися на прежнем месте. Пребывание в условиях «сибирского фронтира» формировало у переселенцев модели выживания, отличавшиеся от распространенных на покинутых ими территориях. Пожив в Сибири, они легче, охотнее и быстрее покидали «насиженные» места, обследовали близлежащие и отдаленные территории в поисках более пригодных, перспективных для поселения мест. Если до ссылки крестьяне, посадские люди зачастую проживали на одном месте всю жизнь, то оказавшись за Уралом, они становились значительно более активными в миграциях и смене рода деятельности.

Большинство крестьян после переселения в Сибирь начинали вести земледельческое хозяйство, но были и такие, кто изменял традиционным занятиям и осваивал хозяйственные навыки сибирских аборигенов. Особый интерес у переселенцев вызывала охота на пушного зверя, приносившая хороший доход, в то время как для подготовки пашни на непригодных для аграрной экономики территориях требовалось проведение предварительных работ, не отличавшихся легкостью. Это заставляло ориентироваться на создание комплексного хозяйства, в котором сочетались бы охота на пушного зверя, рыболовство, собирательство и земледелие. В свою очередь аборигены, контактируя с переселенцами – земледельцами, осваивали новые для себя приемы хозяйствования, в тоже время, передавая им свои приемы аграрных работ. Шел взаимообмен опытом и формирование нового для обеих сторон взаимодействия, уклада жизни.

---

[246] Временник Ивана Тимофеева. М. 1951. С. 29, 44-45.

[247] Миллер Г.Ф. История Сибири. М.; Л., 1941. Т. 2. С. 151.

Это заставляет усомниться в выводах противников концепции «фронтира» о господстве первобытнообщинного строя у аборигенного населения[248] и, как следствие, отсутствия условий для складывания «фронтирной ситуации».

Сибирская «фронтирная ситуация» складывалась с той же динамичностью, что и американская. Результатом становилось формирование нового типа самоидентификации у переселенцев уже не как русского крестьянина, а сибиряка.

Целостный анализ «фронтирной ситуации» предполагает изучение вопроса, как политических ссыльных воспринимали добровольные переселенцы и местные народы Сибири.

Под влиянием политический и других категорий ссыльных происходило формирование образа «людей фронтира», их самоидентификации, понимания своего положения в складывающемся сибирском обществе.

Е. С. Панарина выделила два устойчивых образа ссыльного в «сибирском фронтире» представленные в литературе[249].

Первый образ – отрицательный: ссыльный переселенец как горемычный человек, преступник, убийца, грабитель, еретик. Превалирование этого образа вызывало желание отдалиться от ссыльных избежать беды, не попасться «под горячую руку».

Второй образ – условно можно положительный, поскольку его формирование шло с развитием «страдальческой темы»[250]. Ссыльный здесь воспринимался как страдалец, жертва произвола властей, которому нужно помочь и пожалеть. Добавим к этому, что многие из них прибывали в Сибирь в оковах. Например, в 1598 г. в Сургут отправили «колодников Ларку Мануйлова и Юшку Михайлова, а на Тару угличанина Парфенку Тимофеева (он был "скован")»[251]. Кроме того для незнатных, как и для знатных, политических ссыльных было характерно особое положение «неблагонадёжных», которое выражалось в разной степени присмотра за ними местной администрации.

В сознании сибиряков эти образы были объединены, что выразилось в традиции «выставлять на полочку под окном снаружи дома крынку с молоком и каравай хлеба (или любую другую еду)».[252] Так жители Сибири реализовывали на практике свое отношение к обоим типам ссыльного во «фронтире», помогали бедному бродяге, беглецу и уменьшали вероятность злодеяний с его же стороны.

---

[248] См. об этом: Кызласов Л. Р. Письменные известия о древних городах Сибири. М., 1992.С. 5-6.

[249] Мифы и образы сибирского фронтира / Е. С. Панарина // Культурная и гумани- тарная география. 2013. Т. 2, № 1. Электрон.текстовые дан. С 41.

[250] Панарина Е. С. Мифы и образы сибирского... С 41.

[251] Цит. по: Заселение Сибири и быт первых её насельников. — Харьков: Тип. Губернского Правления, 1889. IV, 345 с. Переизд.: Буцинский П. Н. Заселение Сибири и быт первых ее насельников. М., 2012. С. 165.

[252] П. Н. Буцинский Заселение Сибири и быт первых её насельников... С 42.

Устойчивость обоих образов свидетельствует о наличии ментальной границы в восприятии политических ссыльных, так как к представителю любого из «образов» требовалось отличное от прочих «людей фронтира» отношение. На основании этого можем говорить, что ссыльных выделяли из прочих жителей осваиваемого региона. Так на вопрос Л. И. Шерстовой о наличии в Сибири четкого разделение на «чужих» и «своих»[253] можно ответить, что оно было, но в данном случае, не между переселенцами и аборигенами, а между жителями Сибири и ссыльными. Этот вывод говорит об усложнении системы идентификации на «фронтире», когда переселенец может быть отнесен к «своим» этнически и «чужим» по социальному статусу.

В формировании особого восприятия себя ссыльными и добровольными переселенцами важную роль сыграл сибирский город. Ссыльные, особенно «почетные», как правило, пребывали в крупных городах, таких как Тобольск, Верхотурье, Тюмень и др.

В Сибири город стал основой для появления деревни, т. е. именно город был первичным образованием[254] – базой формирования фронтира. Такая ситуация не была характерна для Европейской России, где возникновению города предшествовало образование сельских поселений.

Каждый крупный сибирский город являлся связующим центром сети более мелких населенных пунктов, «составлявших устойчивый территориально-демографический, социально-хозяйственный и этнокультурный комплекс поселений, воспроизводящий целостную структуру общества»[255]. В данную сеть включались переселенцы и аборигены близлежащих территорий, которые часто не имели тесной связи с другими городами и острогами, образуя сложную систему культурно-хозяйственных взаимодействий «фронтира». Его нелинейность в условиях Сибири признают обе стороны дискуссии, но если для противников концепции – это один из аргументов «против», то для ее сторонников – лишь одна из особенностей той «фронтирной ситуации», сложившийся в Сибири. Полагаем, что развитие сибирской урбанистки стало фундаментом для разработки вопроса об отличиях «сибирского фронтира» вне концептуального аппарата Ф. Д. Тернера.

По устройству возводимые города и остроги были схожи с городами европейской части Московского царства. Их появление, прежде всего, в местах расселения сибирских народов стимулировало переселения и придавало динамизм процессам смены хозяйственной деятельности, быта и т.д., иными словами – всего комплекса, трансформацию которого Ф. Д.

---

[253] См об этом: Шерстова Л. И. Концепция фронтира и освоение русскими Сибири... С. 217.

[254] Кочедамов. В.И. Первые русские города Сибири. М.: Стройиздат, 1978. С. 10.

[255] Черная М. П. Сибирский город конца XVI — начала XVIII в. в историко-археологическом отражении (историографический аспект) // Вестник Томского государственного университета. История. 2009. № 3 (7). С. 98.

Тернер считал одной из ключевых черт фронтира. Это позволяет подтвердить аргумент сторонников фронтира о его универсальности.

Сибирский город был тесно связан с сельской округой и первые сибирские горожане имели сельскохозяйственные угодья. Причина слабого разделения ремесла, промышленности и земледелия[256] очевидны – именно сельское хозяйство обеспечивало выживание переселенцев.

Одним из обязательно возводившихся строений в остроге и, тем более, городе была церковь, но православные настроения переселенцев не стоит переоценивать, на что указывала Л. И. Шерстова[257]. Полиэтничность сибирского города и совместное проживание представителей разных религий способствовали формированию толерантного отношения к иноверцам. Сохранялась свобода в выборе веры без существенного давления властей и православной церкви. Вследствие большей свободы вероисповедания распространялось и «народное православие», которое объединялось, в специфическом для Сибири варианте, с местными политеистическими религиями. Это нашло свое выражение в продолжении традиции сохранения православного и языческого имен[258]. В сущности в поликонфессиональном и полиэтничном сибирском городе происходило не столкновение «между дикостью и цивилизацией», а диалог несхожих, различающихся между собой вероисповеданий, поскольку в числе переселенцев были представители оппозиционных официальному православию конфессий. Наличие в составе переселенцев ссыльных делало эту «фронтирную ситуацию» еще более сложной, так как они были не редко тоже своего рода инакомыслящими.

Таким образом, в ходе политической ссылки в Сибири на рубеже XVI – XVII вв. сформировались три достаточно четко определяемых ее типа. «Почетная ссылка» лишь очень ограниченно может рассматриваться как «фронтирная ситуация» для ссыльных, их положение изменилось незначительно, что ставит под вопрос возможность рассмотрения их ссылки как жизни в условиях «фронтира». По-настоящему в условиях «фронтира» оказались незнатные ссыльные и сосланные в заключение. Но если для незнатных ссыльных «фронтир» принял наиболее классическую форму, связанную с колонизацией, высокой динамикой жизни в новых культурных, хозяйственных, социальных и политических условиях, то для сосланных «в заключение» ключевое значение имело не столько место ссылки, сколько ее условия.

На основании рассмотренного материала сделаем выводы по главе.

---

[256] История Сибири с древнейших времен до наших дней: В 5 т. Л.: Наука, 1968. Т. 2: Сибирь в составе феодальной России. С. 66.

[257] Шерстова Л. И. Концепция фронтира и освоение русскими Сибири... С. 217.

[258] Люцидарская А.А. Сибиряки-старожилы: XVII – начала XVIII в. // Русский вопрос: История и современность. Омск, 1994. Ч. 2. С. 16-17.

В советский период, характеризовавшийся господством формационного подхода, большая часть достижений европейской и американской историографий рассматривались как непригодные для отечественной исторической науки.

В постсоветский период снованием для перенесения концепции Ф. Д. Тёрнера на сибирскую колонизацию стала «общая идея», универсальность без четкой привязки к американской колонизации. Именно «общая идея» стала основным аргументом сторонников применения концепта «фронтир» к сибирской истории. К аргументации сторонников «сибирского фронтира» также относится сходство процессов американской и сибирской колонизации, сопоставимые хронологические рамки, обширность осваиваемых территорий, конфликтные мирные контакты с аборигенами, более свободные отношения в религиозном вопросе, чем в метрополии.

Противники применения концепта «фронтир» к сибирской истории, основываясь на той же источниковой базе, что и их оппоненты, отмечали ряд различий описания американского «фронтира» Ф. Д. Тернера и процесса освоении Сибири. Но в то же время имеются положения, применяемые более удачно именно к сибирскому «фронтиру».

Стороны дискуссии используют разные подходы к аргументации своих позиций. Противники концепции указывают на несоответствие истории освоения Сибири концепции Ф. Д. Тернера и на неучтенные моменты при анализе колонизации Северной Америки. Сторонники отмечают общее сходство процессов колонизации как исторического явления и настаивают на необходимости формирования концепции «сибирского фронтира», ядром которого останется идея Ф. Д. Тернера, но дополненная и уточненная.

Безусловно, «фронтир» в Сибири имел свои особенные черты. Например, пример политической ссылки в Сибирь рубежа XVI –XVII вв. показывает, что одной из них является значительное участие в развитии и освоении Сибири государственной власти. В частности, это позволяет многим исследователям приписывать главную роль в колонизации Сибири государству.

Кроме того, к специфическим чертам «сибирского фронтира» можно отнести более суровые природно-климатические условия колонизации, по сравнению американскими условиями, и особую роль ссыльной политики. В Сибири политическая ссылка являлась важным источником пополнения подготовленных управленцев из числа знатных родов, крестьян, служилых людей и т.д.

Сегодня дискуссия о применении концепции «фронтира» в истории Сибири остается незавершенной и продолжается разработка её понятийного аппарата.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исследование дискуссий о сибирском фронтире и «дорусской» государственности в сибирской историографии позволяет подвести некоторые итоги.

Во-первых, в ходе развития дискуссий о сибирском фронтире и дорусской государственности происходило постоянное расширение комплекса источников по истории Сибири, которые становились доступными всем участникам дискуссий, но выводы исследователей были различными. Например, введенные в научный оборот дореволюционными историками исторические источники (письменные, вещественные, устные, этнографические и т.д.) послужили важной вехой в формировании и развитии дискуссий. На их основании исследователи могли делать диаметрально противоположные выводы – признавать или отрицать существование государственности и государств в Сибири.

Во-вторых, накопление нового материала вело к изменению подходов исследователей к рассматриваемым проблемам, итогом этого процесса стала смена господствующих концепций в исторической науке. Например, во время научной деятельности П. А. Словцова и В. И. Шункова еще не были известны или переведены некоторые письменные источники народов Сибири (надписи, высеченные на камне близь села Уйбат на территории современной республики Хакисия), что позволяло им говорить о привнесённой извне письменности и низком уровне развития местных народов.

В советский период господствовала концепция «мирного вхождения» Сибири в состав Московского царства. По мере накопления исторических данных стало очевидно, что отношения между русской властью, русскими колонизаторами и местными народами могли быль разнообразными. Итогом этого стало более гибкое использование и ситуативное обращение к концепциям «завоевания», «мирного вхождения», «русской колонизации» и т.д.

В-третьих, наряду с «внутренними» детерминантами развития сибирской историографии она испытывала воздействие «внешних» факторов, таких как идеология и господство единой объясняющей модели в изучении социально-экономических процессов. Действия этих факторов отчетливо прослеживаются в изменении аргументации сторон. Так, диктат формационного подхода в советской историографии не позволял рассматривать политическое развитие народов Сибири как отдельный своеобразный цивилизационный тип. Кроме того, аргументация, используемая исследователями для обоснования своих позиций, обнаруживает зависимость между применяемой ими концепцией и интерпретацией данных исторических источников: как правило, авторы, придерживающиеся модели «мирного вхождения» Сибири в Московское царство, отрицали наличие развитой государственности у сибирских народов, а приверженцы «завоевания», напротив, доказывали её существование.

В-четвертых, одной из причин возникновения дискуссий является изменение характера научной продукции в постсоветский период: если в советский период преобладали фундаментальные, многотомные и авторские монографии, то в постсоветский период произошли перемены связанные с возникновением в сибириведении «состояния дискуссионности» сопровождавшееся существенным возрастанием динамики отечественной исторической науки. Так на данный момент объемные труды, подготовка которых требует времени, могут потерять свою актуальность к моменту публикации. Это обуславливало преобладание материалов конференций, журнальных статей, коллективных монографий и монографий по итогам дискуссионных исследований.

Привлечение в ВКР материалов по истории становления Томска как острога и города позволило суммировать и проверить исследовательские выводы относительно процессов формирования русских государственных институтов в Сибири. На наш взгляд, в настоящее время к числу доказанных следует отнести такие положения:

1. в Сибири до прихода русских существовали практики налогообложения, письменность, иерархическая система власти и другие составляющие государственности;
2. становление власти московского царя шло с активным использованием общих для русского и коренных народов Сибири евразийских представлений об осуществлении власти и сохранившихся от Орды государственных институтов;
3. власть Москвы была установлена не над территориями, а над населением;
4. активно использовалась демонстрация богатства представителями московского царя;
5. русская администрация в Сибири осуществляла «мягкую» политика по отношению к аборигенам;
6. применялась политика невмешательства или «легкого вмешательства» во внутреннюю систему жизнедеятельности сибирских народов;
7. опора на местную знать, привлечение ее к сбору ясака и военной службе отражала взаимовыгодный характер отношение между московской властью и сибирскими знатными родами;
8. «мягкую» политика Москвы нашла свое выражение в отказе от насаждения православия, веротерпимости по отношению к автохтонным этносам.

Рассмотрение возможности применения концепции «фронтира» к освоению Сибири на примере политической ссылки в Сибирь конца XVI – начала XVII вв. позволило продемонстрировать валидность аргументов обеих сторон дискуссии.

В ходе данного исследования были отмечены проблемы, которые могут стать основой для нового научного исследования;

1. отсутствие как единства в понимании хронологических рамок «сибирского фронтира», так и подходах к его определению.

2. отсутствие концептуального обоснования появления терминов «религиозный фронтир», «фронтир ссыльных», «фронтир беззакония».

Таким образом, рассматриваемые дискуссии отражают процесс развития отечественного сибириведения и являются его «двигателем». В ходе дискуссий происходит формирование новых концептуальных подходов, осуществляется их взаимовлияние, открываются новые горизонты для научных исследований.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Источники:

Историографические источники

1. Бахрушин С.В. Пути в Сибирь в XVI-XVII вв. // Бахрушин С.В. Научные труды. М., 1955. Т. 3, ч. 1. 317 с.

2. Бахрушин С. В. Научные труды. [Т.] 4 / С. В. Бахрушин ; [редкол.: А. А. Зимин и др.] ; Акад. наук СССР, Ин-т истории. - Москва : Издательство Академии наук СССР, 1959. - 257, [1] с., [1] л. плана

3. Бахрушин С.В. Русское продвижение за Урал // Бахрушин С.В. Научные труды. М., 1955. Т. 3, ч.1.

4. Буцинский П. Н. К истории Сибири: Мангазея и мангазейский уезд (1601 г.—1645 г.) (рус.) // Записки Императорского Харьковского университета: журнал. Харьков, 1893. Вып. I. С. 33 - 98.

5. Ефимов А.В. «Свободные земли» Америки и историческая концепция Ф. Д. Тернера. В кн.: Из истории общественных движений и международных отношений. - М.: Издательствово Академии наук СССР, 1957. 555 с.

6. Карамзин Н. М. История государства Российского. Том III / Карамзин Н.М. - Москва : Лань, 2013. - . URL: http://e.lanbook.com/books/element.php?pl1_cid=25&pl1_id=9802

7. Кызласов Л. Р. Письменные известия о древних городах Сибири : Спецкурс / Л. Р. Кызласов; МГУ им. М. В. Ломоносова, Ист. фак. - М. : Изд-во МГУ, 1992. - 132,[2] с.- (История)

8. Мамсик Т.С. Радикальный протестантизм и русский раскол в контексте мировых реформационных процессов эпохи великих переселений // Фронтир в истории Сибири и Северной Америки в XVII–XX вв.: общее и особенное. Новосибирск, 2001. С. 54 - 65.

9. Миллер Г.Ф. История Сибири. В 2 т. Т. 1. М., Л., 1937. 607 с. ; Его же. История Сибири. В 2 т. Т. 2. М., Л., 1941. 796 с.;

10. Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. 2 / Г. Ф. Миллер; Редкол. : С. И. Вайнштейн (председ.) и др. ; РАН, Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. - 2-е изд., доп. - М. : Восточная литература, 2000. - 795,[3] с.: ил. 2.

11. Пелипась М. Я. Опыт использования идеи фронтира в гуманитарных исследованиях ученых Западной Сибири / М. Я. Пелипась // Американские исследования в Сибири. Вып. 8 : материалы Всероссийской научной конференции выпускников Программы Фулбрайта "Американские идеи в гуманитарных исследованиях ученых Сибири", Томск, 12-14 октября 2004 г. Томск, 2005. Вып. 8. С. 15-24.

12. Поло М. "Книга" Марко Поло / Поло Марко ; пер. старофр. текста И. П. Минаева ; ред. и вступ. ст. И. П. Магидовича. - М. : Географгиз, 1955. - 375, [1] с.: ил.; 1 л. портр.

13. Американские исследования в Сибири : Материалы научных чтений 6-7 февраля 1995 / Отв. ред. М. Я. Пелипась; Том.гос. ун-т, Сиб. ассоциация американистов. Барнаул Томск, 1995. 71 с. URL: http://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Repository/vtls:000009916

14. Румянцев В. П. Использование теории фронтира в сравнительно-исторических исследованиях: итоги и перспективы / В. П. Румянцев, Е. В. Хахалкина // "Славянский мир" Сибири: новые подходы в изучении процессов освоения Северной Азии. Томск, 2009. С. 106-125. URL: http://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Repository/vtls:000377054

15. Тернер Ф. Д. Фронтир в американской истории / Фредерик Дж. Тёрнер; [пер. с англ.: А. И. Петренко ; отв. ред. В. В. Согрин]. Москва, 2009. 303 с.

16. Временник Ивана Тимофеева. М.; Л., 1951. С. 29, 44-45; Отдел рукописей Российской Национальной библиотеки. Собр. Титова. № 2433. Л. 29 об., 61 об

17. Словцов П.А. Историческое обозрение Сибири / П.А. Словцов. СПб.: Типография И.Н. Скороходова, 1886. 326 с.

18. Соболева Т.Н., Бобров Д.С. Современная российская историография концепции фронтира // Известия Алтайского государственного университета. 2011. №11. С. 189-192.

19. Супоницкая И. М. Колонизация земель: Сибирь и американский Запад (вторая половина XIX в.) / И. М. Супоницкая // Одиссей: Человек в истории. – М. : Наука, 1989. – С. 219–240.

20. Небольсин П. И. Покорение Сибири : историческое исследование / П. И. Небольсин. - СПб. : Рус.симфония, 2008. - 335 с.: ил.- (Книжные памятники из фондов Библиотеки Академии наук)

21. Фронтир в истории Сибири и Северной Америки в XVII-XX вв. : общее и особенное : [Сборник статей] / Д. Я. Резун, В. А. Ламин, Т. С. Мамсик, М. В. Шиловский; Ин-т истории Сиб. отд-нияРос.акад. наук. Новосибирск , 2001. 113 с.

22. Резун Д. Я. Сибирь, конец XVI - начало XX века: фронтир в контексте этносоциальных и этнокультурных процессов / Резун Д. Я., Шиловский М, В. ; Рос.акад. наук, Сиб. отд-ние, Объед. ин-т истории, филологии и философии, Ин-т истории. - Новосибирск : Сова, 2005. - 193 с.

23. Храмков А. А. Очерки истории крестьянства Сибири начала XX в. : монография / А. А. Храмков ; Алт. гос. ун-т, Центр изучения реформ П. А. Столыпина. - Барнаул : Издательство Алтайского университета, 2014. - 326 с.: табл.

24. Шерстова Л. И. Концепция фронтира и освоение русскими Сибири / Л. И. Шерстова // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 426. С. 217-222. URL: http://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Repository/vtls:000621583

25. Шунков В. И. Очерки по истории колонизации Сибири в XVII- начале XVIII веков / В. И. Шунков ; [отв. ред. С. В. Бахрушин] ; Акад. наук Союза ССР, Ин-т истории. - Москва [и др.] : Издательство Академии наук СССР, 1946. - 226, [2] с.

26. Ядринцев Н. М. Сибирь как колония : современное положение Сибири, ее нужды и потребности, ее прошлое и будущее : к юбилею трехсотлетия / Н. М. Ядринцев. - Санкт-Петербург : Типография М. М. Стасюлевича, 1882. - XI, 471 с. URL: http://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Repository/vtls:000240565

Летописи

1. Полное собрание русских летописей. В 43 т. Т. 36. Сибирские летописи. Часть 1. Группа Есиповской летописи ; отв. ред. А.П. Окладников. М., 1987. 387 с.

2. Полное собрание русских летописей. В 43 т. Т. 29. Летописец начала царства Царя и Великого князя Ивана Васильевича. Александро-невская летопись. Лебедевская летопись ; отв. ред. М.Н. Тихомиров. М., 1965. 390 с.

3. Полное собрание русских летописей. В 43 т. Т. 3. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М., Л., 1950. 576 с.

4. Новый летописец // ПСРЛ. — М.: Наука, 1965. — Т. 14 (изд. 2-е). — С. 23—154 (1-й пагинации). — [5], 154, 285 с.

5. Сибирские летописи. Краткая сибирская летопись (Кунгурская) / [подгот. к изд. Цепковым А. И.]. - Рязань : Александрия, 2008. - 643, [2] с.: ил.- (Источники истории)

6. Исторические записки : (Ши цзи) : [В 9 т.] : Пер. с кит. Т. 8 / СымаЦянь; [Рос. акад. наук, Отд-ние ист. -филол. наук, Ин-т востоковедения]. М., 2002. 509 с.

Законодательные акты, актовые и делопроизводственные материалы

1. Акты феодального землевладения и хозяйства XIV - XVI веков. Ч. 3 / подготовил к печати Л. В. Черепнин ; [отв. ред. В. С. Бахрушин] ; Акад. наук СССР, Ин-т истории. - М. : Изд. Акад. наук СССР, 1951. - 399,[1] с.

2. Белокуров, С.А. Разрядные записи за Смутное время. (7113-7121 гг.) / С.А. Белокуров. - М. :Имп. о-во истории и древностей российских при Московском университете, 1907. - [2], XXVIII, 311, [1] с.

3. Грамоты Великого Новгорода и Пскова ; под ред. С.Н. Валка. М., Л., 1949. 409 с.

Документы личного происхождения.

1. Буссов К. Московская хроника 1584-1613 / АН СССР, Библиотека ; отв. ред. И. И. Смирнов. - Москва Ленинград : Издательство АН СССР, 1961. - 398, [3] с.

2. Плано Карпини К. Д. История монгалов / Джованни дель Плано Карпини, 3-е изд. Путешествие в Восточные страны / Гильом де Рубрук, 3-е изд. Книга Марка Поло, 4-е изд. / [к сб. в целом вступ. ст. , коммент. М. Б. Горнунга]. - Москва : Мысль, 1997. - 461 с.: ил.-

(Путешествия и путешественники) ПланоКарпини К. Д. История монгалов / Джованни дельПланоКарпини, 3-е изд. Путешествие в Восточные страны / Гильом де Рубрук, 3-е изд.

3. Книга Марка Поло, 4-е изд. / [к сб. в целом вступ. ст. ,коммент. М. Б. Горнунга]. - Москва : Мысль, 1997. - 461 с.: ил.- (Путешествия и путешественники)

Литература:

1. Адрианов А. В. Томская старина / А. В. Адрианов. - Томск : типо-лит. Сиб. т-вапеч. дела, 1912. - 83 с. URL: http://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Repository/vtls:000186487

2. Азатьян А. А., Белов М. И., Гвоздецкий Н. А., Каманин Л. Г. и др. //История открытия и исследования советской Азии / - М. : Мысль, 1969. - 533, [3] с.: ил.- (Открытие Земли)

3. Андреева А. А. «Фронтир» как культурно-историческая категория // Вестник Майкопского государственного технологического университета. . Майкоп: 2014. С. 41-45.

4. Андриевич В. К. История Сибири. В 2 т. Т. 1. СПб., 1889. 220 с.

5. Банников А.Г. Первые русские путешествия в Монголию и Северный Китай: Василий Тюменец, Иван Петлин, Федор Байков. М., 1954. 55 с.; Белов М.И. Русские мореходы в Ледовитом и Тихом океанах: сборник документов о великих русских географических открытиях на северо–востоке Азии в XVII веке / М.И. Белов. М., Л., 1952. 358 с.

6. "Славянский мир" Сибири: новые подходы в изучении процессов освоения Северной Азии / [О. Н. Бахтина, Т. А. Гончарова, Е. Е. Дутчак и др. ; ред. О. Н. Бахтина, В. Н. Сыров, Е. Е. Дутчак] ; Том. гос. ун-т, Межрегиональный ин-т обществ. наук. - Томск : Издательство Томского университета, 2009. - 217, [1] с. URL: http://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Repository/vtls:000374524

7. Большая советская энциклопедия. Т. 1 / Гл. ред. С. И. Вавилов. - 2-е изд. - М. : Советская энциклопедия, 1949. - 633, [7] с.: ил., 48 л. ил. и карт.

8. Бояршинова З.Я. Население Томского уезда в первой половине XVII века // Труды Томского государственного университета. Серия истори- ко-филологическая. Томск, 1950. Т. 112. С. 23-2l0.

9. Богораз В. Г. Чукчи : социальная организация / В. Г. Богораз. - Изд. 4-е. - Москва : Ленанд, 2016. - XX, 191, [1] с.- (Академия фундаментальных исследований: этнология)

10. Бояршинова З. Я. Население Западной Сибири до начала русской колонизации (Виды хозяйственной деятельности и общественный строй местного населения) : специальный

курс по истории народов Сибири для студентов-заочников исторического факультета университета / З. Я. Бояршинова ; Томский гос. ун-т ; [ред. И. М. Разгон]. - Томск : Издательство Томского университета, 1960. - 149, [2] с. URL: http://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Repository/vtls:000028388

11. Томску - 375 лет : Сборник статей / Том. гос. ун-т; З. Я. Бояршинова, Л. П. Белковец, А. Н. Жеравина и др. - Томск : Издательство Томского университета, 1979. - 260 с.

12. Болховитинов Н. Н. О роли «подвижной границы» в истории США // Вопр. истории. 1962. № 9.

13. Болховитинов Н. Н. О механизме действия «предохранительного клапана» в истории США // Новая и новейшая история. 1970. № 4.. С. 23—35.

14. Болховитинов Н. Н. Западные земли и развитие капитализма // Болховитинов Н. Н. США: проблемы истории и современная историография. М., 1980. 324 с.

15. Бичурин Н. Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена в 3 томах / Бичурин Н.Я. - Москва : Лань, 2013. - . URL: http://e.lanbook.com/books/element.php?pl1_cid=25&pl1_id=9787

16. Бичурин Н. Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. [Кн.] 1 / Н. Я. Бичурин (Иакинф). М. Л., 1950. 380 с.

17. Буцинский. П. Н. Заселение Сибири и быт первых ее насельников / исслед. П. Н. Буцинского. — Харьков : Типография Губернского правления, 1889. — IV, 345 с.

18. Буцинский. П. Н. К истории Сибири: Сургут, Нарым, Кетск до 1645 года. Харьков, 1893. 144 с.

19. Бурстин Д. Американцы: колониальный опыт : пер. с англ. / Дэниел Бурстин ; под. общ. ред. и с коммент. В. Т. Олейника ; [послесл. В. П. Шестакова ; ред. Е. И. Солдаткина, Л. В. Савченко]. - Москва : Прогресс-Литера, 1993. - 479, [1] с.

20. Верхотуров Д. Н. Идея сибирской самостоятельности вчера и сегодня / Дмитрий Верхотуров. - Москва [и др.] : АСТ [и др.], 2009. - 330, [1] с.: табл.

21. Веселовский С. Б. Ономастикон : Древнерусские имена, прозвища и фамилии / С. Б. Веселовский; Под ред. В. И. Буганова, Б. В. Левшина; АН СССР. Отд. истории. Архив АН СССР. - М. : Наука, 1974. - 381, [2] с.

22. Вилков О. Н. Город Сургут и его торговля в XVII в. : Препринт / Рос. АН, Сиб. отд-ние, Ин-т истории. - Новосибирск, 1997. - 62 с.

23. Вилков О. Н. Очерки социально-экономического развития Сибири конца XVI-начала XXVIII в. / Отв. ред. А. А. Преображенский; АН СССР, Сиб. отд-ние, Ин-т истории, филологии и философии. - Новосибирск : Наука. Сибирское отделение, 1990. - 368, [2] с.

24. Вовина-Лебедева В. Г. Новый летописец: история текста / В. Г. Вовина-Лебедева ; Рос.акад. наук, С.-Петерб. ин-т истории. - СПб. : Дмитрий Буланин, 2004. - 397, [1] с.

25.Волков С.Ю. государство как политический институт: Учебно-методическое пособие. . Нижний Новгород : Нижегородский госуниверситет, 2014. 40 с.

26. Гневушев А. М. Сибирские города в Смутное время. Киев, 1914. 18 с.

27. Гринин Леонид Ефимович Лекция: природный фактор в аспекте теории истории // Философия и общество. 2011. №2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/lektsiya-prirodnyy-faktor-v-aspekte-teorii-istorii (дата обращения: 10.10.2019).

28. Письма Г.Н. Потанина / сост. А.Г. Грумм-Гржимайло, С.Ф. Коваль, Я.Р. Кошелев, Н.Н. Яновский. 2-е изд., перераб. и доп. Иркутск : Изд-во Иркут. ун-та, 1987. Т. 1. 280 с.

29. Томск в XVII веке : материалы для истории города со вступительной и заключительной статьями прив.-доц. П. М. Головачевой и картой окрестностей Томска конца XVII в. Санкт-Петербург : издание В. А. Горохова, [1911]. С.19-24

30. Горюшкин Л. М. Историография Сибири (Период капитализма) : Учебное пособие / Л. М. Горюшкин; Отв. ред. Н. Я. Гущин. - Новосибирск :Б.и., 1979. - 78 с.

31. Дутчак Е. Е. "Русский сибиряк", или Парадоксы региональной идентификации / Е. Е. Дутчак, В. В. Кашпур // Общественные науки и современность. 2013. № 4. С. 116-129. URL: http://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Repository/vtls:000508734

32. Житие протопопа Аввакума, им самим написанное и другие его сочинения / Ред. , вступ. ст. и коммент. Н. К. Гудзия. - М. : Академия, 1934. - 492 с.

33. Дмитриенко Н. М. К вопросу о месте основания города Томска / Н. М. Дмитриенко // Вестник Томского государственного университета. История. 2010. № 2 (10). С. 95-108. URL: http://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Repository/vtls:000459740

34. Зевелев А. И. Историографическое исследование: методологические аспекты / А. И. Зевелев. - М. : Высшая школа, 1987. - 159, [2] с.- (Библиотечка историка)

35. Зуев А.С. Присоединение Сибири Россией: Ордынское наследие и исторические реалии // Развитие территорий. 2015. №1. С. 92-104.

36. Источниковедение : учебное пособие / И. Н. Данилевский, Д. А. Добровольский, Р. Б. Казаков и др. ; отв. ред. М. Ф. Румянцева ; Нац. исслед. ун-т "Высшая школа экономики". - Москва : Издательский дом Высшей школы экономики, 2015. - 684, [3] с. URL: http://sun.tsu.ru/limit/2019/000650890/000650890.pdf

37. Демидова Н. Ф. Первые русские дипломаты в Китае : ("Роспись" И. Петлина и статейный список Ф. И. Байкова / Н. Ф. Демидова, В. С. Мясников ; ред. З. М. Евсенина ; [предисл. Л. И. Думана] ; АН СССР, Ин-т народов Азии, Центр.гос. архив древних актов. Москва, 1966. 159 с.

38. Добродум О.В. Культура, религия и политика в эпоху глобальных рисков // Диалог культур в эпоху глобальных рисков: материалы Междунар. науч. конф. и X науч.-теорет. семинара «Инновац. стратегии в соврем. социал. философии», Минск, 17-18 мая 2016 г. - В 2 ч. - Ч.2. – 715 с. - С.338-340.

39. Дунин-Горкавич А. А. Необходимость открытия Порто-Франко в устьях рек Оби и Енисея / Доклад, читанный 30 апреля 1907 г. на чрезвычайном общем собрании Тобольской Городской Думы. Изд. Тобольского Губернского Статистического Комитета. Тобольск, 1907. 48 с.

40. Дюно, Ж.-Ф., Ариньон, Ж.-П. 1982. Понятие «граница» у Прокопия Кесарийского и Константина Багрянородного. // Византийский временник. 1982. Т. 43. С. 64 – 69. URL: http://www.hist.msu.ru/Byzantine/BB%2043%20%281982%29/ BB%2043%20%281982%29%2064.pdf.

41. Из истории земли Томской, 1604-1917 : (сборник документов и материалов). Вып. 1 / Арх. отд. Том. облисполкома, Гос. арх. Том. обл. ; [редкол.: И. М. Разгон (гл. ред.) и др. ; сост.: А. Н. Жеравина и др.]. - Томск : Западно-Сибирское книжное издательство, Томское отделение, 1978. - 223, [1] с., [1] л. табл. URL: http://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Repository/vtls:000159025

42. Жилина Т. Н. Природно-климатические условия 1550–1850 гг. как фактор риска развития сельского хозяйства в Западной Сибири / Т. Н. Жилина // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 354. С. 77-80.

43. Заднепровский Ю. А. Древнеземледельческая культура Ферганы / Ю. А. Заднепровский; Отв. ред. В. М. Массон. - М. Л. : Издательство Академии наук СССР, 1962. - 327 с.

44. Замятина (Белаш) Н.Ю. Зона освоения (фронтир) и её образ в американской и русской // Общественные науки и современность. 1998. № 5. С. 75-88.

45. Забытые комплексы и китайские монеты Тимирязевского-1 курганного могильника / О. В. Зайцева, Н. А. Кузнецов, О. Б. Беликова, Е. В. Водясов // Сибирские исторические исследования. 2016. № 4. С. 281-301. URL: http://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Repository/vtls:000564631

46. Иванова Л. М. Сибирский фронтир: изучение вопроса в отечественной исторической науке / Л. М. Иванова // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 410. С. 72-76. URL: http://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Repository/vtls:000548397

47. Исхаков Д.М. Введение в историю Сибирского ханства. Очерки. - Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ,. 2006.-196 с

48. Иргит Ч. К.. "Этнографические сведения из «Расспроса» Василия Тюменца и Ивана Петрова" Вестник Томского государственного педагогического университета, no. 5, 2009, С. 154-157.

49. Карцов В. Г. Народы Сибири : очерки прошлого / В. Г. Карцов. - Москва : Молодая гвардия, 1935. - 195, [3] с.: ил.

50. Копылов Д.И. Ермак. - Иркутск, 1989. - с. 75.

51. Коблова Е. Ю. Государственные образования шибанидов и тайбугидов Западной Сибири в отечественной историографии (середина XVIII- начало XXI вв.) : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук : 07.00.09. - Тюмень : [б. и.], 2009. - 25 с.

52. Оленеводческое хозяйство северной группы хантов и манси // Всесоюзная сессия, посвященная итогам полевых этнографических и антропологических исследований 1976—1977: тезисы докладов. Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1978. С. 126—127.

53. Козьмин В. А. Оленеводческая культура народов Западной Сибири / В. А. Козьмин; С. Петербург. гос. ун-т. Спб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2003. 232, [4] с.: ил.

54. Корецкий, В. И. Из истории заселения Сибири накануне и во время «смуты» (конец XVI -начало XVII в.) / В. И. Корецкий // Русское население Поморья и Сибири (Период феодализма) : сб. ст. памяти чл.-корр. АН СССР Виктора Ивановича Шункова. М. : Наука, 1973. С. 37-59.

55. Кривцова-Гракова О.А. Алексеевское поселение и могильник // Тр. ГИМ. – 1948. – Вып. 17. – С. 55–172.

56. Кызласов Л. Р. Письменные известия о древних городах Сибири : Спецкурс / Л. Р. Кызласов; МГУ им. М. В. Ломоносова, Ист. фак. - М. : Изд-во МГУ, 1992. - 132,[2] с.- (История)

57. Кызласов Л. Р. Древняя письменность саяно-алтайских тюрков: Рассказы археолога.— М.: Издательская фирма «Восточная литература». РАН, 1994.— 100 с.: ил.

58. Левашева В.П. О городищах Сибирского юрта // Советская археология, 1950, № XIII. 451 с.

59. Арктическая энциклопедия: в 2-х томах — дополненное и переработанное издание «Северной энциклопедии» / отв. ред. Ю.Ф. Лукин. М.: Издательство «Паулсен», 2017. Т.1 – 688 с.: ил.

60. Люцидарская А.А. Сибиряки старожилы // Русский вопрос: история и современность: Материалы докл. науч. конф. – Омск, 1994. – Ч. II. – С. 14–18.

61. Малинов А. В. М–19 Философия и идеология областничества. СПб.: Интерсоцис, 2012. – 128 с.

62. Малявкин А.Г. Танские хроники о государствах Центральной Азии: тексты и исследования. - Новосибирск, 1989. 432 с.

63. Мартынов А.И. Лесостепная тагарская культура. – Новосибирск: Наука, 1979. – 280 с.

64. Мартьянов Д. С., Мартьянова Н. А. Дискурсивные аспекты этнической идентичности в интернете // Вестник Сочинского государственного университета туризма и курортного дела. 2012. Т. 20, № 2. С. 233-238.

65. Сибирская библиография : указатель книг и статей о Сибири на русском языке и одних только книг на иностранных языках за весь период книгопечатания. [Т. 1-3] / сост. В. И. Межов. - Санкт-Петербург : Типография И. Н. Скороходова, 1892. - 188, 470, 303 с.

66. Сибирская библиография : указатель книг и статей о Сибири на русском языке и одних только книг на иностранных языках за весь период книгопечатания. [Т. 1-3] / сост. В. И. Межов. - Санкт-Петербург : Типография И. Н. Скороходова, 1892. - 188, 470, 303 с.

67. Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. 1 / Г. Ф. Миллер ; [отв. ред. И. И. Мещанинов] ; Ин-т антропологии, археологии и этнографии АН СССР, Науч. -исслед. ассоциация ин-та народов Севера им. П. Г. Смидовича ГУСМП при СНК СССР. - Москва [и др.] : Издательство Академии наук СССР, 1937. - 607 с.: ил.

68. Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. 2 / Г. Ф. Миллер; Редкол. : С. И. Вайнштейн (председ.) и др. ; РАН, Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. - 2-е изд., доп. - М. : Восточная литература, 2000. - 795,[3] с.: ил.

69. Миненко Н. А. Историография Сибири (период феодализма) : учебное пособие для студентов-историков / Н. А. Миненко ; отв. ред. Н. Я. Гущин ; Новосиб. гос. ун-т. - Новосибирск : [б. и.], 1978. - 82, [1] с.

70. Небольскинъ, П. Покореніе Сибири = Покорение Сибири : историческое исследование Павла Небольсина / репринтное издание 1849 г. – СПб. : Альфарет, 2008. – 272 с.

71. Огурцов А.Ю. Военно-инженерная политика России на юге Западной Сибири в XYIII в. :автореф. дис. ... канд. ист. Наук. Свердловск, 1990. 22 с

72. Панарина, Е. С. Мифы и образы сибирского фронтира / Е. С. Панарина // Культурная и гумани- тарная география. – 2013. – Т. 2, № 1. – Электрон.текстовые дан. – Режим доступа: http://www.gumgeo. ru/index.php/gumgeo/article/view/60 . – Загл. с экрана.

73. Панарина Д.С. Граница и фронтир как фактор развития региона и/или страны. // История и современность. № 1 (21). Волгоград: Изд-во "Учитель", 2015. С. 15-41.

74. Полевой Б. П. Новое о Василии Тыркове, основателе Томска // Вилков О.Н. (отв. ред.). Сибирские города XVII – начала XX века. Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, С 57–63.

75. Потанин Г. Н. Очерки Северо-Западной Монголии : результаты путешествия, исполненного в 1876-1877 годах по поручению Императорского Русского географического

общества членом-сотрудником оного Г. Н. Потаниным. Вып. 1. - СПб. : [б. и.], 1881. - XVI, 425 с.: [1] карта, [4] л. рис.

76. Потанин Г. Н. Областническая тенденция в Сибири / Г. Потанин. - Томск : паровая типо-литография Сибирского товарищества печатного дела, 1907. - [2], 64 с. URL: http://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Repository/vtls:000391764

77. Верхотурские грамоты конца XVI - начала XVII : сборник документов : в 2 вып.]. [Вып. 1 / Акад. наук СССР, Ин-т истории СССР ; [сост. Е. Н. Ошанина ; отв. ред. А. А. Преображенский]. - Москва : Ин-т истории СССР, 1982. - 160 с.

78. Верхотурские грамоты конца XVI - начала XVII : сборник документов : в 2 вып.]. [Вып. 2 / Акад. наук СССР, Ин-т истории СССР ; [сост. Е. Н. Ошанина ; отв. ред. А. А. Преображенский]. - Москва : Ин-т истории СССР, 1982. - 161 - 298 с.

79. Пугачев А. Древнейший документ о нашем городе // Томск, март–июнь 1946 года. Томск, 1946. 140 с.

80. Пыпин А. Н. История русской этнографии. Т. 4 / [соч.] А. Н. Пыпина. - Санкт-Петербург : Тип. М. М. Стасюлевича, 1892. - VIII, 488 с.

81. Резун Д. Я. Летопись сибирских городов / Д. Я. Резун, Р. С. Василевский. - Новосибирск : Новосибирское книжное издательство, 1989. - 303, [1] с.: ил.

82. Резун Д.Я. Быть тут острогу и слободе // Родина. 2000. № 5. С. 76–78

83. Романова Л. С. Здесь начинался Томск. Прошлое, настоящее, будущее / Л. С. Романова ; Том.гос. архитектурно-строит. ун-т. - Томск : Издательство Томского государственного архитектурно-строительного университета, 2004. - 217 с., [9] л. ил.: ил.

84. Сидоров Е.А. О земледелии ирменской культуры (по материалам лесостепного Приобья) // Палеоэкономика Сибири. – Новосибирск: Наука, 1986. – С. 54–66.

85. Солодкин Я. Г. О начальном этапе сибирской ссылки (конец XVI - начало XVII в.) // Мира не узнаешь, не зная края своего: материалы 3-х краеведческих чтений, 28 апреля 1999 года. Нижневартовск: Нижневартовский гос. пед. Ин-т, 1999. С. 100 - 132.

86. Солодкин, Я. Г. Казачество Северо-Западной Сибири на рубеже XVI–XVII столетий: очерки ранней истории: Монография. – Нижневартовск: Изд-во НВГУ, 2018. – 142 с.

87. Степанов Н. Л. П. А. Словцов: (У истоков сиб. областничества) / Н. Л. Степанов. - Л.: Б. и., 1935. - 43 с.

88. Татауров С.Ф. Процессы консолидации сибирских татар до и после присоединения Сибири к России / С.Ф. Татауров // Вестник Томского государственного университета. История. – 2016. – №5 (43). – С. 40–43.

89. Титов А. Сибирь в XVII в. Сборник старинных русских статей о Сибири и прилежащих к ней землях / А. Титов. – М., 1890. – 120 с.

90. Тернер Ф. Д. Фронтир в американской истории / Фредерик Дж. Тёрнер ; [пер. с англ.: А. И. Петренко ; отв. ред. В. В. Согрин]. - Москва : Весь Мир, 2009. - 303 с.- (Тема)

91. Тойнби А. Д. Цивилизация перед судом истории : сборник / А. Дж. Тойнби ; под ред. В. И. Уколовой, Д. Э. Харитоновича ; [пер. с англ. Е. Д. Жаркова и др.]. - 2-е изд. - Москва : АЙРИС-пресс, 2003. - 588, [1] с.: ил.

92. Федоров Р.Ю. Освоение Сибири как проблема географии культуры. / Р.Ю. Федоров. // Вестник Тюменского государственного университета №3/2007. С. 229-234.

93. Хромых А. С. Русская колонизация Сибири последней трети XVI - первой четверти XVII века в свете теории фронтира : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук : 07.00.02. - Томск : [б. и.], 2008. - 31 с. URL: http://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Repository/vtls:000340533

94. Чемякина М.А., Дергачева М.И. О существовании земледелия в Барабинской лесостепи в эпоху поздней бронзы – переходного времени от бронзы к железу // Актуальные проблемы археологии, истории и культуры: (к юбилею профессора Т.Н. Троицкой). – Новосибирск: Новосиб. гос. пед. ун-т, 2005. – С. 194–205

95. Чернышов С. А. Формирование и развитие государственности народов Западной Сибири накануне и в начальный период русской колонизации : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук : 07.00.02 / Чернышов Сергей Андреевич. - Томск : [б. и.], 2017. - . URL:

96. Чернышов С. А. Присоединение Западной Сибири к Русскому государству в XVI–XVII вв.: торгово-экономический аспект / С. А. Чернышов // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 370. С. 105-108.

97. Черная М. П. Томский Кремль середины XVII-XVIII в. Проблемы реконструкции и исторической интерпретации / М. П. Черная ; Томский гос. ун-т ; [науч. ред. В. И. Молодин]. - Томск : Издательство Томского университета, 2002. - 184, [4] с.: ил. URL: http://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Repository/vtls:000152549

98. Черная М. П. Были и небыли Томского кремля / М. П. Черная // Вестник Томского государственного университета. 2004. № 281 : Серия "История. Краеведение. Этнология. Археология" С. 70-75

99. Черная М. П. Сибирский город конца XVI — начала XVIII в. в историко-археологическом отражении (историографический аспект) // Вестник Томского государственного университета. История. 2009. № 3 (7). С. 95–112.

100. Шерстова Л. И. Тюрки и русские в Южной Сибири: этнополитические процессы и этнокультурная динамика XVII - начала XX века / Л. И. Шерстова ; отв. ред. И. В. Октябрьская, В. Д. Славнин ; Рос.акад. наук, Сиб. отд-ние, Ин-т археологии и этнографии. - Новосибирск :

Изд-во Ин-та археологии и этнографии, 2005. - 311 с. Шейнфельд М. Б. Историография Сибири (конец XIX - начало XX вв.) / М. Б. Шейнфельд ; [отв. ред. И. М. Разгон] ; Красноярский гос. пед. ин-т. - Красноярск : [б. и.], 1973. - 398, [1] с.Щеглов И. В. Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири : 1032-1882 гг. - Сургут : Северный дом, 1993. - 461, [3] с.

101. Шерстова Л. И. Трансформация хозяйства аборигенного населения Южной Сибири в XVII–XIX вв. / Л. И. Шерстова // Вестник Томского государственного университета. История. 2010. № 1 (9). С. 92-103. URL: http://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Repository/vtls:000459597

102. Шерстова Л. И. Аборигенная политика России и этнополитические процессы в Сибири: конец XVI – начало XX в. : учебное пособие : [для студентов вузов, историков, этнологов] / Л. И. Шерстова ; [отв. ред. В. П. Зиновьев] ; Нац. исслед. Том.гос. ун-т, Ист. фак., Каф. отечественной истории. - Томск : Издательство Томского университета, 2017. - 250, [1] с. URL: http://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Repository/vtls:000617520

103. Шиловский М. В. Сибирские областники в общественно-политическом движении в конце 50-х - 60-х годах XIX века / М. В. Шиловский ; отв. ред. Л. М. Горюшкин. - Новосибирск : Издательство Новосибирского университета, 1989. - 144, [1] с.: табл.

104. Большая советская энциклопедия. Т. 1 / Гл. ред. О. Ю. Шмидт. - М. : Советская энциклопедия, 1926. - 832 стб.: ил., [27] л. ил., портр. и карт.

105. История Сибири с древнейших времен до наших дней : в 5 т. . Т. 2 / редкол. тома: В. И. Шунков [и др.] ; Акад. наук СССР, Отд-ние истории Акад. наук СССР, Сиб отд-ние, Ин-т истории, филологии и философии. - Л. : Наука, Ленингр. отд-ние, 1968. - 537, [1] с.: ил., [5] л. ил., [2] отд. л. карт.

106. ШмурлоЕ.Ф.История России IX-XX века. — Москва: Вече, 2005. 448 с.

107. История Сибири с древнейших времен до наших дней : в 5 т. . Т. 2 / редкол. тома: В. И. Шунков [и др.] ; Акад. наук СССР, Отд-ние истории Акад. наук СССР, Сиботд-ние, Ин-т истории, филологии и философии. - Л. : Наука, Ленингр. отд-ние, 1968. - 537, [1] с.: ил., [5] л. ил., [2] отд. л. карт.

108. Сборник князя Хилкова : [документы по истории России XVI-XVII вв. / кн. Григорий Хилков]. - Санкт-Петербург : Тип. брат. Пантелеевых, 1879. - 12, 580, 35 с.

109. Щеглов И.В. Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири 1032 - 1882 гг. Сургут, 1993, 461 с.

110. Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири : 1032-1882 гг. / сост. И. В. Щеглов ; под ред. В. И. Вагина. — Иркутск : Издание Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества, 1883. — 778, [2] с. ; 21 см.

111. Якушенков. С. Н. In Frontier We Trust // Журнал Фронтирных Исследований . 2019. №3 (15). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/in-frontier-we-trust (дата обращения: 11.02.2020).

112. Литературное наследство Сибири. Т. 6 / редкол.: Н. Н. Яновский (гл. ред.) [и др.]. - Новосибирск : Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1983. URL: http://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Repository/vtls:000069701

113. Furniss E. Imagining the Frontier: Comparative Perspectives from Canada and Australia. In D. B. Rose & R. Davis (Eds.), Dislocating the Frontier: Essaying the Mystique of the Outback (pp. 23-46). Canberra: ANU E Press. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://epress.anu.edu.au/dft/mobile_devices/ch02.htm\

АНТИПЛАГИАТ
ТВОРИТЕ СОБСТВЕННЫМ УМОМ

Отчет о проверке на заимствования №1

Автор: seregansdap@mail.ru / ID: 2643061
Проверяющий: (seregansdap@mail.ru / ID: 2643061)

Отчет предоставлен сервисом «Антиплагиат»- http://users.antiplagiat.ru

ИНФОРМАЦИЯ О ДОКУМЕНТЕ

№ документа: 36
Начало загрузки: 23.04.2020 17:22:36
Длительность загрузки: 00:00:07
Имя исходного файла: 22042020 Быстрицкий ВКР.pdf
Название документа: 22042020 Быстрицкий ВКР
Размер текста: 1160 кБ
Символов в тексте: 220068
Слов в тексте: 28175
Число предложений: 4787

ИНФОРМАЦИЯ ОБ ОТЧЕТЕ

Последний готовый отчет (ред.)
Начало проверки: 23.04.2020 17:22:43
Длительность проверки: 00:00:07
Комментарии: не указано
Модули поиска: Модуль поиска Интернет

ЗАИМСТВОВАНИЯ	САМОЦИТИРОВАНИЯ	ЦИТИРОВАНИЯ	ОРИГИНАЛЬНОСТЬ
11,85%	0%	0%	88,15%

Заимствования — доля всех найденных текстовых пересечений, за исключением тех, которые система отнесла к цитированиям, по отношению к общему объему документа.
Самоцитирования — доля фрагментов текста проверяемого документа, совпадающий или почти совпадающий с фрагментом текста источника, автором или соавтором которого является автор проверяемого документа, по отношению к общему объему документа.
Цитирования — доля текстовых пересечений, которые не являются авторскими, но система посчитала их использование корректным, по отношению к общему объему документа. Сюда относятся оформленные по ГОСТу цитаты; общеупотребительные выражения; фрагменты текста, найденные в источниках из коллекций нормативно-правовой документации.
Текстовое пересечение — фрагмент текста проверяемого документа, совпадающий или почти совпадающий с фрагментом текста источника.
Источник — документ, проиндексированный в системе и содержащийся в модуле поиска, по которому проводится проверка.
Оригинальность — доля фрагментов текста проверяемого документа, не обнаруженных ни в одном источнике, по которым шла проверка, по отношению к общему объему документа.
Заимствования, самоцитирования, цитирования и оригинальность являются отдельными показателями и в сумме дают 100%, что соответствует всему тексту проверяемого документа.
Обращаем Ваше внимание, что система находит текстовые пересечения проверяемого документа с проиндексированными в системе текстовыми источниками. При этом система является вспомогательным инструментом, определение корректности и правомерности заимствований или цитирований, а также авторства текстовых фрагментов проверяемого документа остается в компетенции проверяющего.

№	Доля в отчете	Доля в тексте	Источник	Ссылка	Актуален на	Модуль поиска	Блоков в отчете	Блоков в тексте
[01]	2,86%	3,98%	https://esu.citis.ru/dissertatio...	https://esu.citis.ru	20 Мар 2018	Модуль поиска Интернет	62	92
[02]	1,92%	2,43%	Скачать полнотекстовую ве...	http://journals.tsu.ru	21 Ноя 2016	Модуль поиска Интернет	44	56
[03]	0,79%	2,02%	http://vital.lib.tsu.ru/vital/acce...	http://vital.lib.tsu.ru	28 Янв 2020	Модуль поиска Интернет	18	46

Еще источников: 17
Еще заимствований: 6,27%